

Договор
Фиктивная сделка

[Handwritten signature]
подпись
Муниципальное
образование
«Сурское»
муниципальное
образование
«Сурское»

16+

Алекс Эсмонт

Алекс Эсмонт

Фиктивная сделка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66939958

SelfPub; 2021

Аннотация

Роман начинается с таинственного происшествия, объединившего впоследствии две линии и двух главных героев... Оставшийся в одночасье сиротой подросток, покидая отчий дом, находит в сейфе у родителей некий документ. Часть Договора. Из прочтения документа следует неоспоримый факт – его семья владеет неким имуществом, дорогим активом, наследником которого, по всем законам, является теперь этот мальчик. Не желая оставаться в казенном заведении, и тем более – становиться приемышем для родни, подросток пускается в длинное и авантюрное путешествие. Он сбегает в забытый богом уголок, где так легко найти прибежище от волнений большого мира. В городок, указанный как место совершения и подписания тайной сделки. Он ищет продавца, чья витиеватая подпись стоит на последнем листе Договора, еще не зная, насколько это опасный путь и что ровно тем же занят его противник...

Смесь социальной сатиры, психологического триллера с неожиданным финалом.

На данном сайте (бесплатно!) представлена лишь I часть книги.

Алекс Эсмонт

Фиктивная сделка

Глава 1

План с изъяном

Май

В одном европейском промышленном городке, в красивом аэропорту, на скамье в зале прилетов, спиной к толпам туристов и лицом к огромным окнам, за которыми открывался чудный вид на белоснежные лайнеры и сияющие вершины гор, совершенно чуждые суете (и немецкому языку, звучащему со всех сторон) сидели двое русских.

Впрочем, один из них славянином был, кажется, в большей степени, чем второй. Он с любопытством, свойственным этому этносу, разглядывал что-то крайне интересное в своем телефоне. Второго же, и по виду и по одежде, вполне могли принять за местного бургера. И именно он сейчас выглядел крайне недовольным собой, с раздражением косясь на игромана. У его недовольства, кстати, были совершенно объяснимые причины. Он почти сразу вытянул ноги и водрузил их на чемоданы и дорожные сумки, стоящие перед путешественниками. Левую конечность у самой щиколотки плотно обхватывали толстые слои бинтов. Под бинтами, по логике, находился гипс.

Те немногие, кто замечал пару, изображали сочувствие на

лицах. Активный отдых в Альпах в конце весны, безусловно, таил в себе определенные угрозы, – снег был уже не так чист и хорош, как, к примеру, в начале сезона, в зимний период. А спуск с уклоном, если имел место, грозил неприятным ускорением и торможением, впоследствии, всеми имеющимися в наличии точками опоры. Видимо, у этой пары при спуске и впрямь не все прошло... гладко. Да и не только при нем...

Пассажир со злым лицом разглядывал это уплотнение, периодически торкая в него пальцем и щупая бинт. Пять минут назад, на таможенном досмотре, рентген показал, что у туриста под гипсом... ничего нет. То есть, совсем ничего, кроме собственных костей и мышц, разумеется. А поверх мышц – спортивных брюк, свободного кроя и вместимости, весьма удобных при болезненных травмах или переездах. Чему можно было бы радоваться, если бы не одно но... Вышло, что австрийский хирург перестарался, загипсовав его «до прилета в Москву», за что, наверняка, списал неплохие деньги со страховки, приятно улыбаясь и махая вслед профессионально-загребущей рукой.

Зато сам пострадавший, по приезде в аэропорт, провел несколько неприятных минут в комнате рядом с «опорным пунктом» таможни, объясняя, почему у него гипс на... здоровой ноге. Анатомические познания паспортной службы оставим здесь за кадром. К счастью, все медицинские справки, выданные в госпитале, оказались правильно оформленными, несмотря на ошибку в изначальном диагнозе, и за-

бинтованному туристу, со скрипом автоматического пера в бланке, позволили вернуться на Родину.

Теперь, после пережитого, он даже чувствовал некоторое облегчение от того, что сложный «перелом», хоть и опосредованным путем, но, все -таки, не подтвердился. Однако, злоба не сходила с бледного лица. Нога сильно опухла, – похоже, мышцы были надорваны, – и нестерпимо чесалась под ненужной громоздкой повязкой. Он мечтал поскорее ее снять, но в последний миг рассудил, что гипс может ему пригодиться. У него имелись хорошие связи, адвокаты, и думается, радость австрийца при прощании была преждевременной. Он вытрясет из этой клиники все... что окупит ему будущий лыжный сезон.

– Хорошо еще, что мы приехали сюда за два часа до вылета. – заметил его товарищ, отрываясь от телефона. – Твоя пунктуальность помогла...

– Хорошо, что отказались от костылей, которые мне настойчиво предлагал тот австрийский шарлатан! – хмуро отозвался забинтованный. – Правда, в качестве моральной компенсации, можно было и принять! Но, как бы я смотрелся на этих подпорках... без перелома!

– Но ведь нога-то болела. – сокрушался игроман. – Хотя диагноз мне сразу показался надуманным. Когда твою ногу зачехлили, ты вдруг встал и пошел... как Лазарь! Я был поражен...

– Неудачное сравнение...

Они немного помолчали.

– Скорее всего – растяжение... – хромой опять почесал гипс. – И как несвоевременно! У меня нынче дел по горло. А с этими бумагами мы попали в яму похуже, чем я ... со своей ногой.

– Что ты решил? Признать сделку или умолчать, сделав вид, что бумаг не существует, а после вообще забыть о проблеме раз и навсегда?

– Пока существует второй вариант, забыть не получится. – покачал головой забинтованный. – Но если в течение полу-года не поднимется шум, если бумаги не обнаружат, то, возможно, все обойдется. А пока будем просто тихо сидеть и ждать...

– Что мы и делаем. – игроман вернулся к телефону.

– Да и на хромой ноге далеко не побегаешь. Представляю, когда о «падении» узнают в городке, какой визгливый шум там поднимут мои «фанаты». Рейтинги «доверия» поползут вверх. Нам, возможно, придется повременить с возвращением...

– В каком смысле?

– Не могу же я, в самом деле, явиться к ним... на костылях? Вернешься – ты! Подключишь к делу специалиста. Необходимо наблюдать за шевелением в столице. А мне требуется лечение... Хотя, после падения обычно следует взлет, но я пока не готов к полету. Взлетная полоса какая-то... кривая. И кто все портит – большой вопрос. Нам предстоит от-

ветить на него... в ближайшее время!

Его товарищ с недоумением и тревогой обернулся к окнам, где по-прежнему белели лайнеры. Но забинтованный пассажир имел в виду совсем иное.

Главная мысль, которая занимала его последние часы – что это вообще было?! Случайное падение или... намеренная провокация? Особенно в свете событий, произошедших почти в то же самое время со вторым участником «договора». И надо же было ему сделать столь неудачный выбор. А ведь изначально все казалось просто и безобидно, и вдруг обернулось против своего создателя. Идеально продуманный план сорван! Теперь в дело могут вмешаться ни один, ни два проверенных человека, а совершенно неопределенный круг лиц... о существовании которых он и понятия еще не имеет.

В эту минуту объявили посадку на самолет, который туристы так долго ожидали. Оба поднялись. Здоровый товарищ (во все смыслах, так как был на полголовы выше пострадавшего) хотел поддержать больного, но тот сердито отмахнулся, знаком указав на багаж. После чего направился к стойке регистрации, болезненно морщась при гулких звуках удара гипса о кафельный пол, которые сам же и издавал.

Август.

Мальчик лет пятнадцати, с сильно отросшими волосами, в модной, но порядком измятой куртке, ссутулившись и при-

крыв глаза, стоял в приемной директора интерната, ожидая распределения. Собственно, групп подходящих его возрасту было всего две, но педагогический состав пребывал в затруднении. И вызвано оно было крайне негативной «рекомендацией», полученной от ближайших родственников подростка.

Дело в том, что несколько месяцев назад мальчик остался сиротой, лишившись родителя при самых странных и до сих пор не до конца проясненных обстоятельствах. Опекунами собирались стать родной дядя и его супруга, игравшая в семье ведущую роль. Но узнав, в какие жесткие рамки загоняло их это обременение, какое количество обязанностей накладывало на хрупкие плечи женщины (которые уже несли на себе пару собственных отпрысков), при довольно небольших, на потребительский взгляд дамы, «поощрениях», льготах и деньгах, она решительно отстранилась от благородного дела.

Впрочем, Егор Потягов (а так звали подростка) подозревал, что окончательно отказаться от него тетку заставило другое обстоятельство. В последний момент выяснилось, что деньги, выплачиваемые за опекунство, должны были тратиться исключительно на опекуна, и никаким образом не являлись поощрением или оплатой труда усыновителя. К тому же, хоть оба (дядя и племянник) и являли собой две ветви одного родового дерева, но, надо прямо сказать, весьма колючего и развесистого. Взрослые мало общались прежде и совершенно не горели желанием углублять знакомство с ма-

лолетней сиротой.

Правда, первый месяц после страшных для Егора событий, тетка проявила заботу, явившись в квартиру его родителей и прибрав к рукам все ценное, что в ней находилось. Мальчик стерпел, поверив, что данная процедура необходима, и что вещи изымаются на «ответственное хранение». В конце концов, всего каких-нибудь три года, и он получит их обратно, став самостоятельной личностью и наследником в определенном законом порядке. Но второй враждебный шаг новой родни заставил усомниться в доброте намерений самоназванных попечителей.

Большой белый шпиц по кличке Каспер, любимец Егора, был также «изъят» из квартиры, но не на ответственное хранение, а навсегда. Пса передали в собственность неравнодушным соседям, давно заглядывавшимся на популярную породу. Это был сильный удар – ведь подросток лишился и друга. Тетка объяснила его сдачу тем, что у детей открылась сильная аллергия на шерсть, а сама она не выносила животных. Рассердившись не на шутку, Егор тогда впервые в жизни нагрубил старшим. Он задал самый не нужный вопрос – спросив, каким образом, в таком случае, она терпит собственного мужа, да еще и на протяжении многих лет... Ответом стала громкая оплеуха. Ее звон мог сравниться только с последующим звоном бьющихся хрустальных сервизов в шкафу, стеклянной посуды на кухне и горшков с редкими цветными антуриумами... Егор постарался разгромить в

квартире все, что не успела изъять вслед за шпиком его рукастая родня.

Именно после данного события мальчику впервые и был вынесен вердикт, или диагноз (как высказалась тетка) – трудный подросток. Его быстренько определили в некое исправительное заведение (с душевным уклоном), где кроме прочих деятелей от образования, работали медики и священнослужители, читавшие духовные лекции пронизанные моралью с самым благостным видом и ощущением собственной значимости.

Когда делегация взрослых прибыла изымать из квартиры уже его самого, выгрузившись из большого зеленого пазика, устрашавшего и видом, и издаваемыми звуками, безвыходность положения открылась Егору в крайне темных сторонах, будущее затуманилось. Надо было немедленно что-то предпринять, чтобы обеспечить себе новую жизнь в предлагаемых узких рамках казенного заведения. Расширить их любимыми путями и средствами. Конечно, все финансы семьи уже находились под контролем попечителей. Но оставалось кое-что, ускользнувшее от их внимания и заботы. В доме был тайник! И появился он совсем недавно, что и спасло содержимое от разграбления. К счастью, новая родня не успела обнаружить его, а сам мальчик, разумеется, не стремился к откровенным признаниям.

Пока группа захвата поднималась на 8-й этаж, Егор активнейшим образом провел последние минуты в отчем доме.

Он залез в шкаф, отодвинул заднюю, накладную панель. Там, внутри, в капитальную стену был врезан небольшой сейф, который отец установил год назад, когда его дела пошли в гору. Мальчик не знал, что именно хранил в сейфе родитель, но что это было нечто очень ценное для него, не сомневался.

Егор взял маленький ключ, висевший на общей связки, и открыл металлическую дверцу, выкрашенную под дерево. Он долго всматривался вглубь прямоугольной ниши. В первый миг разочарование и обреченность тяжким бременем легли на сердце. Того, на что так надеялся подросток, внутри не оказалось. Или лучше сказать – было, но в самом малом количестве. Небольшая пачка мелких купюр не смогла бы покрыть и сотой доли тех нужд, которые он успел составить для себя в случае вынужденного «переезда». В сейфе, в основном, лежали бумаги и несколько кредитных карт, которые, как подозревал мальчик, давно успели очистить, если вообще не заблокировали! Он сделал шаг назад, но...

Громкий стук в дверь заставил очнуться и отогнать горестные мысли в сторону. Для начала хватит и этого. Егор схватил пачку, а также несколько листов из документа, лежавшего под ними. Завернув деньги в бумагу как можно плотнее, он прятал их во внутренний карман куртки, когда входная дверь распахнулась и группа пересекла внешнюю границу семейного гнезда. Крепость рухнула. Мальчику пришлось сдаться на милость победителей!

Да, он беспрекословно выполнил требования официаль-

ной делегации, проследовав до указанного заведения, но лишь потому, что начал воплощать в жизнь нарисовавшийся вдруг в те тревожные минуты дерзкий план.

Август, продолжение. Интернат.

Дверь скрипнула, и Директор появился на пороге. Егор открыл глаза – воспоминания исчезли, растворились в душном воздухе казенного кабинета.

С радостной, но плохо исполненной, будто приклеенной улыбкой, начальник интерната объявил о том, что мальчик отныне становится частью большой и дружной семьи. Директор изъяслял формальную, в таких случаях, надежду, что он обретет здесь друзей, углубит познания и, не без квалифицированной помощи педагогов, изберет правильный жизненный путь. На этой вычурной фразе Егор опустил голову, пряча взгляд. А последние слова Директора: «Георгий, мы рады тебе!» – хоть и прозвучали как приветствие адепта тайной секты, были встречены глухим вздохом понимания, сыгранным не менее ловко, чем благостная улыбка начальства до того. Мало кто заметил скепсис на лице подростка. Да и вряд ли кого-то особо интересовали переживания новичка. Его молчание признали согласием и в тот же день ввели в «коллектив».

Георгий!!

Впрочем, он давно не любил свое имя, будто заранее призывавшее носителя во всем добиваться успеха, и придумал

к нему множество уменьшительных вариантов. Друзья называли мальчика «Юрец» или «Гера». Учителя, разумеется, Георгий. Зато дома он был просто Гошей. Это уютное прозвище казалось самым ласковым и милым из всех. Но именно с этим именем теперь покончено навсегда, решил подросток в день своего зачисления в Интернат. Он больше ни для кого не будет «Гошей», оставит его в память о семье, зачихнув глубоко в отныне одинокое, разбитое сердце.

Сверстники встретили новичка довольно холодно. Да и сам мальчик не стремился заводить знакомства. Первую неделю он практически не спал. Зажав подмышкой свое единственное богатство (пачку денег), вздрагивал от любого звука, шороха, храпа...стука. Он панически боялся, что его обкрадут, и опасения оказались не напрасны. Через неделю у Егора утащили любимые кроссовки известной марки с кислотно-лимонными шнурками, оставив взамен поношенные, холщевые, на резиновой подошве. Они были так сморщены, что напоминали кожу крокодила. При первой же пробной носке этот крокодил разинул «пасть» (стелька, словно язык, вывалилась наружу) и, что называется, попросил «есть». Дабы он не «поперхнулся» мусором с пола, его пришлось заматывать липкой лентой...

После кроссовок он лишился куртки. Модного дутика на синтепоне. Еще через пару дней пропал рюкзак. Ну как – пропал?.. Все эти вещи, разумеется, не испарились и, к сло-

ву, не исчезли из поля зрения Егора. Они просто поменяли хозяина. Крепыш, который по виду давно мог закончить любое общеобразовательное заведение даже такого «углубленного» толка, носил «обновки» ни сколько не стесняясь способа, которым ими завладел. В прежние времена такой вызов не остался бы без ответа, но нынче Егор, сжав волю в кулак, не подавал виду. Любые неосторожные слова и действия (как в случае с теткой), могли помешать осуществлению его главной цели.

Конечно, попав в приют, он ни минуты не сомневался, что выберется отсюда. Правда, надежды не были связаны с тем, что его вновь усыновят. Мальчик рассчитывал исключительно на свои ум и силу.

Он видел, насколько отличается от толпы дикарей, которые уже находились в заведении. Новые одноклассники показались ему довольно примитивными и серыми личностями, сконцентрированными на обычных, а порой и низкосортных мелочах. В его же счастливых семейных днях присутствовало совсем иное: книги, музыка, фильмы, путешествия, гимназия с иностранным уклоном. Отец – кандидат наук, заведовал кафедрой, и хоть и ненадолго, но сумел применить знания на деле, привить сыну хороший вкус... Егор ни в чем не знал нужды или отказа!

И что в итоге? Ему предстоит провести три заветных года в убогом месте на радость жадной родне, позволив завладеть его наследством? А по выходу из него – остаться, возможно,

ни с чем! Нет, только отмщение за пережитый страх, ужас и боль могут стать путем к спасению! Единственным путем. Бегство! Все мысли и чаяния мальчика витали вокруг этого заветного слова.

Где-то в 150 км от столицы.

Утро всколыхнуло свежим ветерком сонные окрестности города, прогнав с кривой, вилявшей между частными домами улицы туман. Желтая масса заползла сюда ночью, с реки, тянувшейся под холмом. Блеснули в дали купола и железные крыши, зашелестели ветки фруктовых деревьев в садах, окатив траву под ними дождём холодной росы. Заскрипел старый деревянный столб у края песчаной дорожки, заглушив шаги идущего по ней человека. Обрывки тумана опустили к ногам путника, но восходящее солнце светило ему в спину и до самого поворота на брусчатый тротуар он был скрыт собственной тенью. По силуэту можно было судить лишь, что шел он в чем-то длинном и не совсем удобном, сковывающем любые резкие движения.

Наконец, человек поднялся наверх, к главной дороге и повернул на освещенную полосу. Шедший оказался довольно молодым еще человеком с лишенным загара лицом, изящного телосложения, хотя под длинной хламидой, в которую он был облачен, это не бросалось в глаза.

Выйдя на дорогу, пересекающую частный сектор, путник

ненадолго остановился и осмотрелся вокруг, затем уверенно направился к нижней его части. Пройдя несколько метров вдоль высокого деревянного забора, он неожиданно ухватился за него руками и ловко перемахнул на другую сторону, обнаружив под рясой джинсы и белые кроссовки с лиловой полосой и светящимся лейблом на подошве.

Видимо, молодой человек сделал это из соображений практичности, так как именно в данном месте старый забор соединялся с новым, высоким бетонным, сурово ошетиившимся металлическими прутьями. Перепрыгнуть такое ему было бы затруднительно и в фирменной обуви. Какое-то время деревянный забор выправлялся со странным звуком, потом принял исходное положение, и все стихло.

Солнце поднялось выше, тени обозначились ярче, однако ни в домах, рассыпавшихся по холмам, ни на дороге не происходило более ничего интересного. Было около семи часов утра и никто, кроме серой вороны, раскачивавшейся на проводах у того самого столба, не видел этого небольшого, но значимого в последующем происшествя.

Через полчаса, когда ворона успела привести в порядок всё своё оперенье и по второму разу пересчитать кривоватые пальцы без одного ногтя на лапах, вниз по улице, в том же направлении, что и молодой человек, пронесся внедорожник настолько блестящий, почти зеркальный, что несмотря на бешенную скорость, в его затемненном окне она успела

разглядеть и себя, и столб, на котором сидела, и конкурента-ворона с соседней улицы, бесшумно проплывшего у неё за спиной в надежде быть незамеченным.

Несмотря на дикое любопытство, которое всегда вызывали у птицы яркие вещи, ей пришлось сняться с места для очередного выяснения отношений, закончившегося позавчера срывом голоса. Взрыв негодования и на этот раз вылился в пронзительный, но жутко хриплый крик. Не менее хрипло и грубо ей ответили из кустистого сада, через пять домов напротив. Она вздрогнула налету: – Ах, ты уже в трёх соснах от помойки! – и месть не заставила себя ждать...

Двумя красными огоньками вспыхнули круглые глаза старой птицы, как-будто придав ей решимости и ускорение... Два красных огонька замедлили внизу ход машины. Вверх из-под колес взметнулся столб песка и пыли... И хотя одно являлось лишь отражением другого, общее настроение и тон был задан. В воздухе повисло напряжение...

И в тот же миг прозвучал удар могучего колокола с противоположенного берега реки... Город проснулся.

Блестящая машина вкатилась по новому настилу во двор, и ажурные ворота плавно закрылись за ней. Из зеркального внедорожника вышел человек. Заметив парня в хламиде и кроссовках, прятавшегося в тени крыльца, он улыбнулся.

– Что за вид?– спросил водитель. – Странная маскировка!

– Вхожу в роль!

– Смотри не заиграйся.....

– Не переживай. Я-то свое дело знаю. И потом, так легче затеряться в столь древнем, проспавшем всемирную эволюцию, городке. Меня примут за своего...

– Не знаю, как насчет всемирной эволюции, но вот в революцию он лепту вложил. И «Аллея героев», его главная артерия, очень красноречиво доказывает это. Здешний народ помнит свое боевое прошлое. Так что не выделяйся и будь начеку. Добавь к эстетике – этику, а к антуражу соответствующее содержание.

Где-то снова ударил колокол.

– Тем более «твой»... уже звонят... – усмехнулся человек из внедорожника, прислушиваясь к нарастающему звону.

– Почему же мои – теперь наши... – отозвался парень.

Приезжий обвел его взглядом и хотел что-то сказать, но громкое карканье за забором отвлекло его от мысли устроить перепалку на улице. Владелец блестящей машины быстро прошёл по дорожке к дому, поднялся на крыльцо и оба исчезли за массивной железной дверью.

Побег

Егор начал действовать, планомерно исполняя задуманное. Готовиться к бегству, тщательно маскируя, при этом, замысел, играя роль послушного и прилежного ученика.

Он тихо сидел в стороне, не реагируя на колкие, а за-

частую и оскорбительные замечания сверстников. Беспрекословно выполнял любые задания на уроках. Отвечал на вопросы многочисленных анкет, доброжелательно улыбался учителям. С охотой занимался у психолога, рисуя такие насыщенные яркими цветами картинки по разработанной воспитателем методике, что у самого слезы вышибало.

Посещал все «духовные» лекции, игнорируемые большинством одноклассников. Крестился даже на портрет Директора в холе. Давился пищей в столовой, обливаясь уже настоящими, а не наигранными слезами. И... в конце первого месяца пребывания в «заведении» окончательно убедил всех (от педагогов до детей), что вынашивает некие идеи, отличные от их идей, и замыслил нечто нехорошее, подтверждающее, кстати, критическую характеристику, выданную, прежде, его проницательной теткой.

В середине сентября заговорщик находился едва ли не под круглосуточным наблюдением всего персонала Интерната. План побега стоял под угрозой. От огорчения и бессилия подростку хотелось рыдать в голос, чего не случалось с ним лет с девяти. Квалификация надзирателей не подлежала никакому сомнению!

Пачка денег, которую он так крепко сжимал по ночам, успела намокнуть от горячий прикосновений. Егор практически целовал грязные купюры, вдыхая аромат, – ведь это был запах свободы! Он практически не спал, придумывая обходные маневры, запасные варианты. Но мозги, словно

вслед за бытом, разом оскудели. Время утекало, а шансов не появлялось.

В двадцатых числах сентября, наконец-то, пришло спасение. Ухищрения дали плоды. Хотя и не совсем те, на которые Егор рассчитывал в начале. Убедительная демонстрация хорошего аппетита, бесстрашное употребление блюд из нехитрого меню, включая супы, отвергавшиеся остальными учениками, привели мальчика... в карантинный блок медсанчасти. Сильнейшие признаки отравления скрутили живот. А когда температура перестала сбиваться в течение двух следующих дней, директор принял волевое решение перебросить подопечного в стационар городской инфекционной больницы.

Повезли Егора все в том же пазике, в котором забирали из дома. Круглосуточное наблюдение было снято, и в первую же ночь подросток покинул палату, двинувшись в путь.

Глава 2

Домик в деревне

Когда год назад отец стал зарабатывать приличные деньги, – недаром преподавал на кафедре экономики и имел кандидатскую степень, – он сделал несколько важных и дорогих подарков семье. Во-первых, купил большого пушистого шпица своему сыну. После, обставил новыми вещами квартиру (увы, они не долго радовали хозяев). Свозил всех на

море. И не на местную лужу, как обзывали внутренние водоемы столичные эстеты, а на отдаленный и от этого еще более прекрасный курорт. Установил секретный сейф, оказавшийся теперь так кстати. Венчал же небольшой, но драгоценный список приобретений домик «в деревне». Да, именно – в деревне!

По примеру институтских коллег, и по модному нынче поветрию, он вдруг решил, что семейству необходим свежий воздух, физический труд, близость к природе – все то, чего продвинутые люди совершенно лишены в современных мегаполисах.

Течение «к истокам», действительно, приняло в последнее время какой-то массовый характер. Особенно в научной среде, и не столько среди гуманитариев или зоологов, как можно было подумать, сколько среди механиков и технарей. Отец как-то, посмеиваясь, рассуждал об этом на кухне: «Создаем технические новинки и гаджеты, а сами тянемся к мотыге и топору...». При этом он поглаживал недавно отращенную бородку, любясь отражением на стеклянно-силиконовом китайско-шведском столе.

К слову, ученые со степенями повсеместно отращивали бороды (у кого пока не было). Их жены облачались в нечто просторное и «ниспадающее». Продвинутые семьи выезжали в заброшенные деревни, желательно не далее 100 км от столицы, где скупали земли «сотками» и на подобе Льва Толстого, засучив рукава, возвращали органические грядки с

луком и прочей зеленью. А затем, радостно показывали знакомым мозоли, полученные при первом же столкновением с реальностью – сорняком, заполонившим бесхозные поля гораздо раньше новоявленных любителей природы.

По-правде сказать, домик, купленный отцом, находился вовсе не в деревне, а в небольшом провинциальном городке. Но главному условию отвечал – располагался в 150 км от столицы. Отец ездил туда лишь однажды, заключать договор, грозясь, что летом непременно проведет в деревне весь отпуск.

Тогда покупку отца Егор не оценил, но вот год спустя, в новых экстраординарных обстоятельствах, появление жилища стало очень своевременным и бесценным активом. Именно там мальчик рассчитывал укрыться от опеки и надзора. Об этой собственности родня не имела понятия, да и вряд ли ежегодный отдых в глуши входил в планы ушедшей тетушки, не представлявший собой ни класс зоологов, ни механиков, ни, тем более, технарей. Однако и сам мальчик пока не представлял, какие трудности ожидают его на пути «возвращения к истокам».

Пробираясь в метро, Егор на ходу просчитывал свои шансы. Подводил приблизительную смету. К счастью, размокли не купюры, а бумага, в которую, как в кошелек, были завернуты деньги. Да и сумма уже не казалась незначительной – в маленьком городке, при скромных тратах, на нее можно бы-

ло и год протянуть. Пока он двигался к цели, его рука, словно в жесте принимающего присягу чиновника, приклеилась к нагрудному карману, хранившему добро. Толпы дачников в конце сентября заполнили перроны столичных вокзалов. Переполненные электрички бежали во всех направлениях. Карта области, как страшная гротескная паутина гомерического паука, украшала стену рядом с кассами.

Хотя беглец помнил, с какого вокзала выезжал его отец, помнил и название нужной станции, но все же провел долгих полчаса перед планом, ища надежный путь. Ошибиться Егор не мог – второй возможности для побега могло и не случиться. Его трясло мелкой дрожью, он постоянно оглядывался, все сильнее натягивая на лоб капюшон. Но бледный, тощий подросток в потрепанной одежде мало у кого вызывал интерес, и через четверть часа Егор покинул пределы враждебного отныне ему многомиллионного гиганта.

У цели

Выйдя из последнего вагона, в котором интуитивно занял место, он оказался на открытых путях метрах в ста от станции. Пока брел к зданию, белеющему впереди, энергия и оптимизм, захлестнувшие на волне удачного побега и необходимости скрываться, выветрились в одночасье. Дул сырой пронизывающий ветер. Совершенно незнакомый город, странная, неухоженная местность, отсутствие знакомых и друзей, вызвали в нем в первый миг, после отхода поезда,

паническую реакцию. Горло свело судорогой так, что Егор не мог продохнуть. Пальцы рук и, что еще хуже, ног заочечели. Но если вверху их можно было согреть дыханием, то внизу – никак. Большой палец левой ноги без конца выскакивал «из пасти» крокодила. К тому же носок успел проху-диться и мальчик, что называется, «голой кожей» ощутил все прелести деревенской жизни, о которой рассуждал его отец. По спине ежесекундно пробежал озноб. В конце концов, его болезнь, как не была желанна, оказалась вполне реальной и теперь, на финише, могла испортить все дело. Егор поспешно засеменял вперед.

Вот он, наконец, подошел к вокзалу, где рассчитывал рас-спросить местных. Адрес с названием улицы и номером до-ма беглец заранее написал на обрывке бумаги, чтобы не за-быть. Однако, тут его ждала другая неприятность. Если в столице плачевный вид одинокого подростка мало кого тро-гал и позволял проскакивать многолюдные места практиче-ски незаметным, то в провинции на ребенка в неряшливой одежде быстро обратили внимание. Несколько суровых муж-чин в спецодежде, шедших откуда-то с вениками и лопата-ми, вместо ответа на заготовленные вопросы начали зада-вать собственные: – Не отстал ли от поезда? Где родители?.. Ты не здешний... – неожиданно заключил самый старший из них, и это уже звучало скорее утверждением, нежели во-просом. И хотя куртка приезжего по изношенности мало чем отличалась от одежды рабочих, да и болезненный вид как-

то зеркально отражался в их красных лицах и слезящихся глазах, вердикт дорожники вынесли однозначный. Мужчины тут же встали полукругом и с очевидным недоверием принялись разглядывать парня, забыв про собственные дела.

«Они что же, знают всех «местных» в лицо?! – вертелось в мозгу порядком напуганного Егора. Ответ на этот вопрос ему меньше всего сейчас хотелось узнать. Мальчик пролепетал что-то нечленораздельное, вроде как поблагодарил и попрощался. После чего начал отступать к вокзальному крыльцу. Стоило поискать более безопасный и подходящий источник информации.

Но таксисты, курившие у небольшого палисадника и к обеденному времени заплевавшие всю площадку рядом с ним, вообще не склонны были к диалогу, заподозрив, что денег правильный ответ на вопросы им все равно не принесет. С третьей попытки Егору удалось уговорить одного из них, менее пузатого и жилистого, чем остальные, не только пообещав достойную оплату, но и показав (скрепя сердцем) купюру покрупней.

Мальчик с облегчением уселся внутрь теплого салона и машина покинула привокзальную площадь. Переехала по мосту над узкой серой рекой на другую сторону и начала подниматься в гору, по широкому склону которой раскинулся небольшой городок.

Пока они ехали, Егор с изумлением смотрел по сторонам. Что могло завлечь сюда отца? Да, тут есть пара монастырей

и церквушек, несколько прямых улиц и зданий «опрятного стиля», но не более того. И где именно он собирался «дышать» и заниматься «физическим трудом», окучивая грядки в просторных льняных одеждах? Ведь повсюду те же панельные дома, серые пятиэтажки и ... спальный район, более новый, но до боли напоминающий родной. Егор молча глядел на все это, не веря глазам. А «домик в деревне»? Что это – реальность или сарказм, с которым отзываются о провинции даже самые высокие умы в богатой столице.

В какой-то момент городские кварталы кончились и за окнами мелькнули живые изгороди, заборы, сады. Этот пейзаж гораздо больше походил на рассказы родителя, однако, мальчик вновь ощутил неприятный холодок и судорогу, как в первый раз на железнодорожных путях. Страх, похоже, завладел подростком окончательно и всецело. Опустив глаза, он заметил, как скрючены пальцы в прорези «крокодила». Как они буквально впились в подошву холщовых кроссовок, будто их силой собирались вырвать из них.

Он правильно оценил сигналы организма и, наконец, озвучил опасение, мучившее его:

– Куда мы едем? – звук оказался настолько тонким, будто напильник прошелся по ногтю, что кажется, напугал таксиста не меньше, чем если бы Егор взял самую нижнюю октаву.

Таксист развернулся и попросил повторить адрес. Егор повторил, сверяясь с бумажкой, которую едва не уронил, так тряслись его руки. Водитель удовлетворенно кивнул и

продолжил путь, не реагируя на конфуз пассажира. Правда, трясло уже обоих. Асфальтовая дорога кончилась и потянулась грунтовка, глинистая, а потому сплошь изрытая колеями, заполненными дождевой водой. В конце улицы машина остановилась.

– Дальше не проехать, яма на яме! – сообщил таксист очевидное. – Но тут уже не далеко. Пройдешь метров сто вперед, и выйдешь к цели.

Он протянул руку за купюрой и Егор без сожаления расстался с ней. Подождал, когда машина отъедет на достаточное расстояние и скроется за поворотом. Вгляделся в конец переулка. Вот оно! Он действительно добрался! Неужели плохое позади...

Вокруг стояла тишина и только вредная и, по звуку, очень старая ворона высоко вверху начала каркать хриплым монотонным голосом. Егор встрепенулся, последний раз огляделся, после чего начал пробираться меж заполненных жижей ям.

Мальчик медленно продвигался вперед, продолжая крутить головой. Но со всех сторон он видел одну и ту же картину. Похоже, это была окраина поселка. Где-то за густыми кустами протекала река. Егор слышал ее слабое журчание, и ощущал запах.

Полуживые изгороди и заборы сменились частоколом, воткнутым прямо в землю и увитым краснеющим после ноч-

ных заморозков плющом. Сорняк крепко соединял руко-
творную конструкцию. Но, если и создали ее намеренно чьи-
то руки, то определенно очень кривые и растущие не из тех
мест. Некоторые колья были заточены словно пики, торча
острыми концами наружу. Другие наоборот, разможены в
щепки, будто на них уже насаживали неосторожных жертв.

Одни устремлялись внутрь палисадников, иные почти па-
дали на дорогу. Сам участок, растянувшийся соток на де-
сять, выглядел необжитым и неухоженным. Будто кто-то по
неизвестной причине просто взял да и обнес давно забро-
шенный пустырь дешевой оградой. Тем не менее, на самой
крепкой палке у дороги был прикреплен квадрат фанеры с
номером.

Подходя к нему, Егор все сильнее ощущал растерянность
и безысходность. Он боялся туда посмотреть. Но отрицать
очевидно не имело смысла. Похоже, этот участок и был тем
«домом», который приобрел его отец! Хотя дома, как тако-
вого, там и не существовало. Подросток долго стоял, вперив
невидящий взгляд в дикие кущи. А на ум приходил един-
ственный вопрос: каким образом родитель собирался прово-
дить свой отпуск с семьей среди подобного хлама?

Ветер гудел в ушах. На глаза наворачивались слезы, к
горлу подкатывал очередной ком. Идея с побегом и соб-
ственным жильем, казавшаяся такой заманчивой и спаси-
тельной, разбилась на мелкие кусочки. Стала жертвой кри-
вого острья, будто целившегося в незваного гостя из ограды.

Что остается ему теперь – построить за частоколом шалаш, выкопать землянку?.. Егор в оцепенении застыл перед табличкой с номером на безлюдной дороге. Прошло минут десять.

Когда он собирался повернуть назад, над головой опять раздался хриплый крик. Большой серый ворон раскачивался на верхушки высоченного, но совсем голого дерева. Егору захотелось запустить в него чем-нибудь тяжелым. Он принялся рассматривать камни, валявшиеся на дороге. Взял тот, что был ближе, размахнулся и подкинул вверх. Но, то ли силы оставили его, то ли камень был слишком увесистым. Не преодолев и двух метров, он громко плюхнулся в лужу рядом с метателем, обдав открытые кроссовки грязной водой.

Радостный крик над головой окончательно вывел его из себя. Егор подскочил к частоколу и принялся вытаскивать из него особо высокий и остро заточенный прут. Тот плотно сидел в своей траншее, и мальчик почти завалился на изгородь, оцарапав не только руки, но и лицо. Его движения не остались незамеченными. Ворона, прочистив горло кашлем, снялась с места, и исчезла за деревьями, перебравшись на другую сторону реки.

Первая победа над страхом! – подумал Егор и улыбнулся самому себе. В ту же секунду раздался треск, изгородь под весом хоть и довольно хилого, но активного врага, сломалась, и беглец рухнул вместе с ней в заросли давно высохшего, и от того невыносимо колючего репейника. Визг боли

и отчаяния потонул за гулом мощного мотора, раздавшегося следом.

Позади, на дороге промчался автомобиль. Из открытого окна звучала музыка – достаточно раскрученный отечественный рэп. Исполнитель рифмовал куплеты про свою отчаянную, суровую молодость. Очень, надо заметить, актуальную, в свете Егоровых переживаний. Когда подросток выбрался из кустов, машина успела завернуть за угол. Но знакомый мотив вдохнул в израненное тело и душу маленькую надежду – не так уж пугали обитатели городка, слушавшие те же песни, из той же популярной радиостанции. Стоило осмотреть поселок получше.

Егор добрался до поворота, и здесь ему открылась немного другая картина. Грунтовка извиваясь, поднималась на небольшой холм, который наподобие дамбы разделял два района одного сектора. Там, за насыпью, снова шла асфальтовая дорога. По обочинам стояли фонари. Через сотню метров виднелись крыши частных домов. На самом холме, вприпрыжку к участку, белел аккуратный коттедж. Он будто терялся в глубине сада, засаженного яблонями. Номер на кованых воротах подтвердил опасения Егора. Да, «домик в деревне» должен был находиться непосредственно рядом с коттеджем и соответствовал территории участка, заросшего сорняками, и так неприветливо встретившего своего «хозяина».

Что делать дальше, куда податься? Егор прижал руки к

горевшему лицу. Оба варианта, маячившие перед ним были одинаково опасны и трудны. Вернуться назад? Туда, где его ищут, а найдя, возможно, запихнут в такое место, из которого он не выберется даже по-прошествии трех лет... Или остаться в чужом городе? Но, в этом случае можно было и трех дней не протянуть... Мальчик брел по дороге, мысленно перечисляя возможности.

Надо подумать о временном укрытии. Собрать мысли воедино, а волю в кулак. На первый месяц денег точно должно хватить, а если провести его в провинции, то, пожалуй, и на пару. Затем, он, вероятно, найдет работу... знакомых... Устроит свой был... В конце концов, ему уже пятнадцать, и он способен позаботиться о себе. Бывали же случаи, когда пропавших детей находили лишь спустя много лет. Но те истории складывались независимо от воли потеряшек. А тут он сам не желает найтись. Во всяком случае, назад в столицу бывший постоялец казенного заведения отныне не торопился.

Егор ускорил шаг, заметив, что в доме напротив зашевелились кружевные занавески. Раз уж простые рабочие смогли определить, что он не местный, то жители частного сектора – и подавно. А если учесть, что он в бегах, то светиться на людях вообще не стоит. Бег, похоже, затягивался, и лишние препятствия подростку были не к чему.

Фабрика

Когда он ехал в такси, проносясь по мосту над железнодорожными путями, шедшими параллельно реке, заметил огромное здание пустующей фабрики, стоявшее напротив, недалеко от станции. Это была бетонная коробка поистине эпических размеров высотой в пять промышленных этажей. Что могли производить там, учитывая небольшие размеры самого города? Наверное, даже основатели сооружения так и не решили данного вопроса, и попусту бросили его... на полпути.

Несмотря на то, что она выглядела холодной и мрачной, ее местоположение скрашивало эти неудобства. Во-первых, рядом находился вокзал. А значит, путь к отступлению был, что называется, под рукой. Во-вторых, на вокзале, в арендуемом помещении, располагался неплохой супермаркет, где можно было отовариться, не выезжая в незнакомый пока Егору городок. А именно по этой причине поездки туда мальчик считал для себя крайне опасными. Он успеет его изучить... Позже.

Со стороны казалось, что подросток тянул время, но ведь и времени у него теперь было хоть отбавляй.

Почувствовав сильнейший голод, Егор незамедлительно вернулся на станцию. Там он скопировал расписание электричек. Затем, быстро закупив по скидкам все необходимое

в магазине, с пакетом под мышкой затрусил к мосту.

Проулок, куда выходила единственная открытая и доступная стена фабрики, выглядел в надвигающихся сумерках еще более мрачным и пугающим, чем она. Ветер продувал узкую кишку между зданиями насквозь. Мороз постоянно пощипывал кожу, забираясь под ношенное, с чужого плеча пальто. Мысль обосноваться здесь вдруг со всей очевидностью показалась Егору дикой и невыносимой. Подросток застыл перед машиной, растворяющейся в темноте, лихорадочно воображал, что делать, и не находя в себе силы принять какое-то решение.

В дальнем конце улицы мелькнули силуэты прохожих. Не дожидаясь, когда они выйдут на освещенное место, Егор прижался к бетонной стене, нагнулся и проскочил в темное, зияющее пустотой окно подвального помещения, которое успел разглядеть, подходя к фабрике.

Он вытянул руки вперед, но схватиться было не за что, и через секунду мальчик рухнул на твердую поверхность. Понесся хруст. Колени горели как ошпаренные. Этого не хватало! – в панике подумал Егор. Он приземлился на сложенные у стены деревянные ящики, разломав верхнюю секцию. Дрожащие пальцы рук нервно ущупывали нижние конечности. Кажется, там все осталось на месте. Возможно, содрал кожу – колени продолжало саднить, зато кости были целы. Мальчик начал осторожно опускать одну ногу, в надежде опереться на пол, но под ней по-прежнему была пу-

стота. Егор тянулся все дальше. В какой-то момент он потерял равновесие и снова полетел вниз, едва не растеряв содержимое пакета.

На этот раз полет закончился гулким падением на гладкий бетон. Теперь окно осталось высоко над головой. Уличный свет не проникал внутрь и не дотягивался до пола. Но сбоку, все же, можно было разглядеть темное отверстие, напоминавшее проход. Мальчик поднялся на ноги и хромая поплелся туда. Повеяло холодом, запах плесени ударил в нос. Добравшись до проема, Егор осторожно выглянул из-за дверного косяка.

Холод усилился, дуло как на улице. В нескольких метрах от него серели ступени. По законам логики, это был выход из подвала на первый этаж. Через пару тревожных минут Егор действительно выбрался на открытое пространство. Широкая лестница без перил вела наверх. С двух сторон на всех этажах сюда выходили открытые проемы в фабричные цеха. Каждое из них было размером в несколько квартир, но без внутренних перегородок и стен. Они казались настолько большими, что их дальний конец тонул во мраке, несмотря на четыре квадратных окна, освещавших помещение. Разумеется, стекол в окнах не было, и температура внутри фабрики соответствовало температуре за ее пределами.

Егор добрался до пятого этажа. Здесь тоже складировались деревянные ящики под готовую продукцию, которую так и не стали выпускать. Мальчик обошел все, но признаков

и наличия иного товара не нашел. В голову закралась мысль, а не были ли сами ящики основой производства.

Тут дуло не меньше, но с одной стороны окна затянули огромным баннером с надписью «Аренда». Растяжка периодически надувалась под порывами ветра и громко хлопала, опускаясь обратно. Именно благодаря этому холод не был сквозным. Егор решил переночевать на верхнем этаже, где сконцентрировалось больше света и не так пугала близость подвала. Страх казался детским, но не наигранным. Когда он поднимался вверх, то, как будто бы слышал непонятные, странные звуки, доносящиеся из-под бетонной основы.

Мальчик занял ближайшую к выходу секцию, взгромоздившись на кучу ящиков. Вынул из пакета лаваш, откусил сразу половину, мысленно поразившись новому умению заглатывать огромные куски целиком, и принялся распаковывать остальные припасы. Разложив все по деревянным коробкам, взглянул на город через окно напротив, не закрытое баннером.

В этот миг беглец перестал жевать и замер, так поразила его открывшаяся картина. Егор видел город с высоты птичьего полета. Он был разделен рекой на две равные части. Они будто в зеркальном отражении копировали друг друга, раскинувшись на высоких берегах. Но если приглядеться, становилось заметно, что части эти имели, как бы, разную социальную наполненность. Тот, что находился справа, со

стороны вокзала и фабрики, был вполне обычным, геометрически правильным городским районом, с четко разграниченными прямоугольниками спальных дворов. Квадратами же обозначались и жилые многоэтажки.

Второй, хаотично разбросанный на противоположенном берегу, выглядел старым и уютным, и почти целиком состоял из частных подворье, небольших домов, коттеджей, утопавших в зелени фруктовых садов. Сейчас, издали, он казался каким-то игрушечным, кукольным и ... «Фальшивым», – подумал про себя Егор, вспомнив, что именно там его плану пришел конец.

Сосновск! Да, первый слог как нельзя более красочно описывал облик и перспективы этого городка. Но все-таки, впечатление чего-то праздничного не уходило. Над самой верхней точкой правого холма золотом горела эмблема какого-то крупного предприятия. Тонкие вереницы фонарных огней; красные и желтые фары автомобилей, бегущих по холмам в разные стороны, походили на иллюминацию, создавая атмосферу радостного ожидания.

Слева белело здание вокзала. Раз в пять минут оттуда доносилось эхо гудков проходивших мимо поездов. В окнах многоэтажных домов начал вспыхивать свет. В городе кипела обычная жизнь, а Егор чувствовал себя одиноким, сторонним наблюдателем, не имевшим к ней никакого отношения. Беглец смотрел вдаль и не знал, что именно здесь его судьба, как и судьба многих еще неизвестных ему людей, сдела-

ет резкий поворот, отразившись на жизни всего города. Он не знал и того, что нарушит привычный порядок в нем и станет причиной ряда событий, потрясших уважаемые слои местного общества. И хотя события с этого момента начали неуклонно развиваться, тут, на фабрике все было тихо и мирно. Пока.

Где-то высоко в небе, над центром, как он полагал, вдруг взмыли огни фейерверка. Это выглядело очень удивительно, потому что хлопков не было слышно. Огни словно из ниоткуда возникали в чернильном небе и секунды спустя, рассыпаясь на миллионы искр, бесследно исчезали. Вот последний залп раскрылся эпическим грибом, осветив окрестности города нереальным светом. Мальчик, широко распахнув глаза, залюбовался этим вечерним спектаклем.

Через минут десять полоса заката на горизонте, там, куда заходило солнце, сузилась и исчезла. Свет фонарей в проулке (а их было всего два), не достигал верхних этажей фабрики, из-за чего внутри стало темнее, чем на улице. Температура, вероятно, опустилась сразу градусов на десять. Ветер жесточно срывал растяжку, гуляя по пустым помещениям, производя странные и неприятные звуки. Егор совсем замерз, отошел от окна и сел в углу, немного защищенном от ветра.

Последний кусок лаваша, купленный по скидке и сильно подсохший, расцарапал мальчику горло. Из-за перипетий и

переживаний долгого дня, переездов и походов, он не замечал собственной хвори, но тут закашлялся до потемнения в глазах. Приступ удушья или начало ангины? Схватившись за шею, Егор ощутил ледяное прикосновение пальцев и вздрогнул, – те так онемели от холода, что не чувствовали кожи, к которой прикасались. Казалось, его душит кто-то другой.

Подросток задрожал всем телом, подтянул к себе пакет, и принялся в нем рыться. Холод был просто адским, словно беглец промок до нитки и заледенел на ветру. Видимо, он весь день проходил с температурой, испарина покрывала не только лоб, но и лицо, и шею. Он успел порядком пропотеть, а влажное белье быстро остывало, создавая то терпкое ощущение, будто тебя погрузили в бочку с ледяной водой.

Сама одежда прилипла к спине, мальчика то и дело пробивали судороги. Надо было как можно скорее развести костер. И кто бы мог подумать, что единственная нехорошая привычка, единственный навык, которым он успел овладеть в приюте, станет спасительным. Курить Егор начал не далее как месяц назад, для того, чтобы не отличаться ни видом, ни интересами от новых одноклассников, казаться старше, и заодно уж, в соответствии с намеченным планом, дезавуировать предстоящий побег – неплохое оправдание плохому начинанию. И вот теперь, вдобавок к еде, купил в супермаркете целый брикет спичек, отлично зная, что сигареты ему все равно никто не продаст. Правда, Егор целил в будущее, но попал, как оказалось, в более близкую «мишень».

Первая же спичка, не успев загореться, потухла не ветру. Вторая – тоже. Тогда Егор соорудил кострище, с трех сторон огородив место для него деревянными ящиками. Нужен был горючий материал, и мальчик постарался отодрать от ящика доски. Но вместо того, чтобы поджечь их, спички прожигали в толстой деревянной обшивке даже не дыры, а просто угольно-черные пятна. Огонь так и не разгорался. Егор изранил пальцы и получил несколько заноз, когда пытался расщепить доски, но мизерных щепок, что он добыл, явно не хватало.

Мальчик находился на грани истерики, когда осознал, что потратил на неудачные попытки почти весь коробок. Лишь изрезанные пальцы горели адским пламенем. И как подобный трюк проделывали в тех передачах «на выживание», которые они любили смотреть с отцом, в преддверии переезда в «деревню»? У статистов в арсенале явно имелось нечто более огнеопасное и воспламеняющееся.

Егор всхлипнул, и обычным детским жестом, когда что-то болит, прижал пальцы к груди. Затем, расстегнув пальто, запустил их во внутренние карманы. Руки согрелись, а пальцы ощутили бумажный сверток, покоившийся там. Его главное богатство, отложенное на крайний день. Осторожно вынув пачку и с опаской оглядевшись по сторонам, Егор принялся рассматривать ее, приподняв на уровень глаз.

Да, она была завернута в листы бумаги. Он сам стащил их, съезжал из квартиры. Листы нужны были для маскировки, как обложка, футляр для купюр. Теперь, возможно, и они

ему пригодятся. Шмыгнув носом, подросток принял решение и начал медленно разматывать слипшийся комок.

Листов было пять или шесть, стандартного размера, с печатным текстом на обеих сторонах. Егор взял самый мятый, но прежде чем зажечь, сгреб все имевшиеся опилки вместе со строительным мусором в центр созданного им кострища. Снова пощупал ящички, твердо ли стоят. Затем, наклонившись над ними как можно ниже, распрямил лист и поджег с одного края. Огонь быстро начал пожирать бумагу. Мальчик уложил ее в середину кучи – появился зловонный дым, щепки потрескивая, загорелись, внутри костра замелькали красные отсветы.

Хотя дым был очень едким, Егор с наслаждением принял-ся его вдыхать. Прикрыл глаза, подсел поближе. Легкие наполнялись теплом. Послышалось слабое шипение, и мальчик схватил следующий лист. Смял его, подбросил в пламя. Он тянул руки к спасительному жару, наслаждаясь видом огня, когда в голове мелькнула некая мысль, всплыло что-то важное, чего он только что ...лишился. И зародили эту мысль слова, которые беглец успел прочесть на листе, прежде чем тот испепелился.

Егор морщил лоб, пытаясь удержать в уме ускользящее видение, понять, что его насторожило. «...Владение, распоряжение...» – странное словосочетание. А рядом подпись отца.

Его отец чем-то владел?! Мальчик опустил на колени, забыв о костре...

Ну да, как минимум он владел квартирой, где они жили. Но все документы по ней оказались в руках заботливой родни. Да и кто бы стал прятать подобные бумаги в тайном месте. Они лежали на виду, в ящике комода, вместе с платежками за коммунальные услуги и старыми рецептами от врача.

Зато в сейфе могло находиться что-то действительно важное, то, что хотели скрыть от других. Тайник появился год назад, когда отец начал получать хорошие деньги, а значит и бумаги положили туда не ранее этого срока. А что, если речь в них идет о том самом «домике в деревне». Может, он все-таки существует!

Егор суетливо собирал листы, приготовленные под горячее. Увы, их осталось всего четыре, два пропали безвозвратно. К тому же, кроме утраченных, не хватало и последнего, – четвертый заканчивался на обрывке фразы. Похоже, второпях он взял лишь верхние страницы. Окончание документа так и осталось лежать дома в сейфе.

Подросток закусил губу, прищурился и попытался прочесть текст. В тусклом свете угасающего костра, перед ним всплывали необъяснимые, удивительные факты.

Как понял мальчик, это был некий Договор. «Договор купли-продажи» – именно такое словосочетание встречалось на страницах чаще других. Третий лист венчала не

менее замысловатая надпись: «Обязанности сторон» – шло перечисление каких-то условий. На четвертом еще более странные выражения – «срок действия» ...

Егор мало что в этом понимал. От напряжения у него заболела голова, он быстро переворачивал листы, ища зацепку, но все сильнее запутывался в формальных юридических выражениях. Что за дом принадлежал по договору отцу, где находился и дом ли вообще?

Ответа на данные вопросы документ не предлагал. Два верхних листа с указанием реальных имен «сторон» уже были уничтожены. Далее, в тексте, они значились исключительно как «покупатель» и «продавец». «Предмет» договора и «адрес» также не уточнялись.

Зато на одном из листов был заметен слабый оттиск печати, подписи и даты под ней. Видимо, чернила оказались свежими, и при сложении документа, они отпечатались на внутренней стороне предыдущей страницы. Это можно было считать большой удачей. Но, к сожалению, лист был поврежден сильнее других, и фамилия продавца на нем практически смазалась. Роспись рядом расшифровки также не подлежала. Первая буква имени то ли «К» то ли «Т»... А может не имени, а фамилии...

Что оставалось совершенно ясным, так это то, что подписал договор его отец. И подписал именно в Сосновске, в том самом городе, где на верхнем этаже заброшенной фабрики сейчас склонился над дырявым листом его несчастный бро-

шенный сын.

Название города хорошо просматривалось на круглой нотариальной печати. Егор поднес уголок с сиреневым кружком к глазам, и вдруг огонь, тлеющий перед ним, о котором мальчик совсем забыл, погас. Наступившая следом темнота была абсолютной. Она, словно черная дыра, засасывала в себя окружающий мир, не давая ни единой песчинки вырваться наружу.

К счастью, угольки все также тлели, испуская красные горячие искры, но место, где Егор планировал переночевать, отныне совсем переменялось. Когда он пробирался к фабрике, на город опускались сумерки. Они заставляли сердце трепетать, но не пугали. Подростку хотелось как можно быстрее спрятаться, найти укромный уголок, где никто не отыщет малолетнего беглеца. Пока он возился с костром и разбирал бумаги, сумерки сгустились, наступала ночь. Внизу, в переулке все стихло, ни проезжали мимо машины, ни шли одинокие путники.

Невыносимый, мучительный страх, такой же тяжелый и вязкий, как чернота, поглотившая все вокруг, закрался в самую душу. Егор вскочил на ноги, оглядываясь. Неприятное чувство, будто за ним наблюдают, охватило мальчика. Его дыхание сбилось. О том, чтобы ночевать здесь сегодня, не могло быть и речи. Где угодно, только не в этом безлюдном пятиэтажном гиганте! Ему мерещилось, что из каждого уг-

ла доносится шорох, шепот. Баннер, на другой стороне стены надулся и хлопнул с удвоенной силой. Может, это кто-то внизу открыл дверь? Собственная фантастическая догадка напугала подростка до полуобморока. Спрятав бумаги в куртку, он помчался к лестнице. Звуки его шагов, топот ног эхом отдавались в пустых помещениях, отражались от бетонных стен. Егор бежал так, словно его действительно преследовали. Ему казалось, шум усиливается, и он уже слышал топот множества ног.

Через минуту подросток был снаружи. Вылетев на мокрый тротуар (ночью заморосил дождь), едва не поскользнулся. Кругом ни души. Егор посмотрел в оба конца узкого переулка. Далеко слева, метрах в ста пятидесяти от фабрики, дорога упиралась в широкое шоссе, расположенное под углом, перпендикулярно ему. Там, на перекрестке мигал светофор, гудели и газовали машины, мелькали силуэты пешеходов.

Справа, чуть ближе, метрах в тридцати, переулок пересекала железная дорога. Под ее насыпью было довольно темно и безлюдно.

Егор выдохнул и подставил лицо под холодную морось. Сердце, наконец, перестало колотиться, отдавая гулкими ударами в мозг. Он провел рукой по затертому драпу, проверяя на месте ли ценный груз и снова замер, широко раскрыв глаза. Бумагу он быстро нащупал, но вот пакет с припасами... Он так спешил покинуть фабрику, что совсем за-

был о нем. А, стало быть, его незаконченный ужин остался лежать среди ящиков на самом верхнем этаже темной бетонной коробки.

Егор с минуту постоял, обреченно глядя на пустые окна, затем покачал головой, что-то пробормотал сам себе, и медленно пошел к железной дороге.

Глава 4

Новые тайны

Где-то за кустами, параллельно насыпи, бежала грязная река. В ночи ее не было видно, но поднимавшийся над водой туман, извиваясь между деревьями, показывал расположение русла. Там же тянулись линии электропередачи. На мокрых рельсах в разных местах мелькали путевые огни. Вот с желтого они переключились на красный, значит, приближался поезд. Через минуту мальчик услышал его гудок. Появились станционные постройки, будки обходчиков. Зазвучали голоса, ощущался запах крепкого дешевого табака. Здесь поезд следовал через городскую черту, и уже все светофоры горели красным.

Егор сглотнул, во рту стало совсем сухо. Он брел по гравию спотыкаясь и размышлял о том, что, возможно, как и этот поезд, прибыл в конечную точку своего пути. Точку, не обозначенную ни на одной карте желаний. Позади снова просигналили. Егор ускорил шаг.

Вот перед ним, наконец, показался силуэт здания с часами. Вокзал. Цифры мелькнули, нули сменились единицей – пошел следующий час, другая секунда. Он присмотрелся. Десять вечера. Не так уж и поздно. Люди все еще толпились у входа. Двери постоянно открывались. Пассажиры тащили багаж по мокрым ступенькам крыльца.

Добравшись до бойкого места, мальчик немного успокоился. Первую ночь ему придется провести на станции. Не самый плохой вариант. Хотя машины тут беспрестанно издавали сигналы, подзывая заказчиков. Слышались окрики. Обывательские разговоры. У бордюра стояли два блестящих черных седана, очевидно, дорогих, так как обсуждая их, все те же утренние таксисты особенно ожесточенно сплевывали себе под ноги.

Если издали вокзал не производил впечатления, то вблизи был весьма внушительных размеров. Его недавно обновили. Пахло краской и мелом. А на площадке перед крыльцом, даже, устроили фонтан. Огромная рыба с заостренными шипами на спине должна была плевать водой в нишу под ней не хуже таксистов. Но в виду наступления холодного сезона воду отключили, отчего композиция напоминала заливного карпа на блюде, куда больше подходя заведению общественного питания, нежели транспортному узлу.

Егор нерешительно поднялся на крыльцо, над которым висели круглые часы, избегая взглядов таксистов. Войдя

внутри, занял самое отдаленное место в зале ожидания. Присел на краешек холодного пластикового сидения. Огляделся, не наблюдает ли кто за ним. Кажется, нет. Рядом, через два кресла, сидела старушка в цветастом платке и фуфайке. Она вроде спала, но при этом плотно прижимала к себе хатули, перевязанные холщовой веревкой. Далее, в каком-то сомническом дреме, развалился молодой человек. Капюшон полностью прикрывал его лицо, а длинные ноги, которые он вытянул перед собой, проход в дальний конец, где обосновался мальчик.

У окна стояла группа спортсменов в фирменной экипировке, видимо, готовясь к отъезду. «Сосновск» – гордо переливалась на их спинах фосфорическая надпись с названием городка. За колоннами позади кресел находился буфет. Там в этот час было всего два посетителя. Они о чем-то переговаривались, склоняясь над бокалами с пивом и закуской. Нервным движениям, озираясь украдкой, Егор порылся за пазухой. Затем осторожно вынул бумаги. Расправил на коленке и принялся читать.

Увы, но ничего нового или более понятного вынести из повторного прочтения владелец неизвестного документа так и не смог. Более того, мальчика, как и остальных пассажиров, очень скоро потянуло ко сну. Похоже, подействовала атмосфера всеобщего дрема и таинственных шепотков. Одно изображение начало наслаиваться на другое. Егор одновременно видел ряд кресел перед собой, и изрытую ямами доро-

гу, ведущую к частоколу. Фабричные цеха, груды ящиков и длинные ноги соседа. Квадратные каменные плиты пола с трещинами, вперемежку с белыми листами договора и текстом на них...

Из забытья его вывел голос диспетчера, объявлявший о прибытии очередного поезда. Правда, мало кто из соседей отреагировал на объявление, продолжая спать. Человек в капюшоне так и остался лежать в привольной позе. Старушка крепче сжала кулек. Лишь пара из буфета вышла наружу.

Через большие окна Егор увидел длинный состав, выплывавший под навес перрона. Его стоянка в маленьком городке была короткой, и вскоре поезд, дернувшись, медленно и торжественно поплыл прочь. На улице шел уже проливной дождь. Косые струи заливали площадь у фонтана. «Карп» заработал.

Мальчик встал и подошел к окну. Красивый поезд набирал скорость. Как бы ему хотелось сейчас оказаться в нем, в уютном купе со стаканом горячего сладкого чая. Уехать из незнакомого, недружелюбного места. И все равно куда. Просто мчаться вперед, положась на судьбу.

От яркого света люстры с восемью канделябрами, низко свисавшей с потолка, у него закружилась голова. Он оперся о стену и зажмурился, подождал, пока пройдет приступ дурноты. Шум в ушах постепенно затих. Егор снова сел на кресло и прикрыл глаза, отдавшись недугу, давшему о себе знать в самый неподходящий момент.

Он слышал, как вернулись посетители буфета. Зазвенели стаканы. Они продолжили разговор. Их голоса обрывками долетали до мальчика. Один, видимо, был приезжий, другой – местным. Гость простыл в поезде и говорил глухо, в нос, что вызывало прилив веселья и желчи у его визави.

– Да у тебя прононс почти как у нашего героя, любителя заграницы! Ты стал его подражателем или просто... попал под сквозняк! – шутил местный.

– Вижу, тебя это забавляет?

– Нет, серьезно, при всей трагичности ситуации, звучит очень... комично...

– В самом деле? – с угрозой переспросил приезжий.

– Ладно-ладно! Не волнуйся, а то и совсем голос потеряешь...

– В таком случае, наш разговор, в котором, уверяю тебя, я не испытываю ни малейшей нужды... – здесь, как бы в подтверждение своих слов, гость громко высморкался. – ... К моему великому удовольствию, закончится.

– Я знаю хорошее лекарство от простуды, – предложил ему местный, поспешив вернуть беседу в мирное русло.

Тут они поговорили на медицинскую тему, обсудив возможные средства лечения верхних дыхательных путей.

Егор, следящий за разговором в полуха, встрепнулся, открыл глаза. Мысль о том, что его собственная простуда, на фоне недавнего отравления, способна перейти в более серьезное заболевание, пугала сильнее, чем предстоящее оди-

ночество в чужом городе. Но названия озвученных позади препаратов все равно не застревали в воспаленном мозгу.

– Удивительно! Наш кумир просидел в горах все лето!.. – фыркнул вдруг желчный шутник. – На пике формы, так сказать. Пропустил много важных событий в этот особенный для Сосновска год. Что могло его там задержать?

– Не знаю. Но у тебя была сегодня возможность спросить его лично...

– Иногда возможности следует упускать! Я хотел убедиться, что он вернулся... оттуда. – последнее слово было произнесено с нажимом. Для пущей убедительности местный наклонил голову и указал куда-то вбок, на растущую у входа на вокзал пальму в деревянной кадучке. Его собеседник посмотрел туда же.

– Разве ты не видел автомобиль на стоянке? – спросил он.

– Сомнения все же были. Особенно после нашумевшей статьи в той газетенке... – первый как-то странно выразился, произнося название и очевидно исковеркав его.

– Да, она всех здесь напугала.

– Думаю, в первую очередь, она напугала его самого! Вот и примчался! Сам он, конечно, прочел это катаясь в горах... – говоривший вновь фыркнул, на сей раз озвучив нерусское название некоей местности. – Будто сосновских холмов ему мало...

Егор застыл в кресле, уже не обращая внимания на дурноту.

В последний раз, как он помнил, отец вывозил семью именно туда. И то путешествие, почему-то, мальчику показалось очень странным. Родитель был в приподнятом настроении, возбужден, что с ним, человеком научного склада ума случалось крайне редко. Иногда он отлучался, оставляя их в каком-нибудь торговом центре, намекая, что идет на деловую встречу, налаживает контакты, прокладывает мосты. Подобные слова из его уст звучали совершенно сомнительно. Ведь даже сдав «кандидатский минимум», отец не в состоянии был наладить собственный быт. А фолиант «Капитала» Маркса использовался в доме не как краеугольный камень, заложенный в основание финансового благополучия, а как кирпич для склейки обуви и других порченных, но не подлежащих утилизации вещей, все по той же причине дырявого семейного бюджета.

И вот двое за соседним столиком упоминают своего знакомого, приехавшего из места, где так неудачно налаживал мосты его отец. Более того, из разговора следует, что и он свой заграничный вояж провел как минимум не продуктивно. Мог ли отец контактировать с человеком, которого по выражению посетителей буфета «что-то задержало»? А обстоятельства возвращения попали на страницы прессы и напугали местных сонных обывателей. В любом случае, договор в кармане пальто ясно указывал на жителя Сосновска.

Егор медленно шевелил губами, повторяя название. И снова его первый слог будто характеризовал то положение, в

котором все они нынче находились. Простое совпадение или зацепка, которую он так долго ждал?

Мальчик резко крутанулся на сидении. Машины! Конечно – два блестящих черных внедорожника у входа под часами! По словам желчного шутника, это были ЕГО машины. Возможно, он успеет их поймать! Хотя, нет. Поймать, не то слово. Он будет крайне осторожен, после того, как на примере отца узнал, чем заканчиваются любые странные знакомства. Но все же ему крайне необходимо хотя бы увидеть того, о ком говорили на вокзале.

Егор вскочил на ноги и тут же полы пальто, которые из-за жары он не стал застегивать, распахнулись. К ногам, один за другим посыпались листы. Но, хуже всего, что это были не его ноги, а длинные конечности парня, храпевшего на крайнем сидении. Егор оцепенел, глядя вниз, на рассыпавшиеся белые прямоугольники. От страха он не мог пошевелиться. Пока он стоял с расширенными глазами, парень ожил. Потянулся, заметил листы и, нагнувшись, аккуратно собрал их в пачку, после чего протянул мальчику. Егор не поднимая глаз, схватил бумаги, буркнул что-то и молнией выскочил из зала ожидания.

Он был уже на крыльце, тяжело дыша и прижимая руки к груди, там, куда снова упрятал «Договор», когда вспомнил, зачем собственно сорвался с места, и для чего в такой спешке бежал.

Мальчик лихорадочно оглядывал привокзальную площадь, с трепетом вглядываясь в утонувшее в воде пространство. Мощные струи дождя заливали все вокруг еще яростнее. Его шум усилился с наступлением ночи. Тяжелые капли стучали и там, где полчаса назад стояли два блестящих седана. Сейчас это место пустовало. Егор опоздал. Более того, едва не выдал себя. Ведь неизвестно, насколько стоило опасаться здешний народ. А инкогнито он должен был соблюдать в любом случае! Мальчик слабо застонал. Нет, отныне ему необходимо следить не только за другими, но и за собой. Любая глупость, совершенная в те времена, когда он считался ребенком, в счастливом детстве полгода назад, стоила максимум синяка, ушиба или укора родителей. Но теперь, когда он вступал во взрослую жизнь (вступал против желания), цена ошибок непомерно возрастала. Все могло закончиться гораздо печальнее. И даже не в приюте с зарешеченными окнами.

Егор оглянулся на двери вокзала. Не наблюдают ли за ним из-за колонны те двое... Не подглядывает ли в окно парень в капюшоне из зала ожидания... Беглецу показалось, что человек, который подобрал листки договора, с любопытством покосился на него. Но что он мог узнать, если сам мальчик трижды перечитав бумаги, ничего не понял из их сухого, официального текста.

На крыльце было пусто. Подросток немного перевел дух. Спустился со ступеней и взглянул на город, ту его часть,

что раскинулась на холме напротив железнодорожного вокзала. И неожиданно в нем начала расти некая упертость, уверенность в своих силах. Внутренний голос подбодрил. А он в последнее время, за неимением других, стал его главным собеседником и советчиком. Он подсказал новое решение. Если неизвестно, о каком объекте в договоре идет речь, и где находится тот самый «домик», ему стоит поменять прицел, направить поиски в иное русло. Искать не предмет, а человека, чья крученная, витиеватая подпись стояла на оттиске последнего листа! И найти его будет гораздо проще. В маленьком городке, «деревне», как выражался отец, где все друг друга знают, а любые сплетни, слухи, распространяются быстрее, чем газеты и интернет, он непременно доберется до правды.

Кстати, газеты! Кажется, именно о статье шла речь в при вокзальном буфете. А раз в ней упоминаются «обстоятельства», то, несомненно, должно упоминаться и имя того, с кем они связаны. Значит, прежде всего, стоит достать газету и прочесть статью, что так взбудоражила Сосновское общество.

Он взглянул прямо в ночное небо. Радостный отблеск полыхнул в его глазах...

В это же время по самому верху холма, на который смотрел с вокзального крыльца мальчик, неслись две машины. Они быстро промчались по извилистой дороге, проехали ис-

торический центр, у стен монастыря свернули направо и по мостику, перекинутому через жидкий ручей, впадавший в реку ниже по течению, въехали в хорошо освещенный поселок. Фонари здесь стояли так часто, что с соседнего холма виднелась рыжая полоса, зависшая над поселком в чернильном ночном небе. Яркий, веселый отсвет в бездонной, непроглядной тьме.

Между тем, машины, покружив по переулкам частного сектора, выбрались на его окраину, на грунтовую дорогу, обсаженную красивыми, декоративными растениями. Замедлили ход и остановились у аккуратного коттеджа, спрятанного в тени фруктовых деревьев. Симпатичный ажурный забор, выходящий на дорогу, очень контрастировал с частоколом, примыкавшим к нему с задней части двора и распустившему в стороны, словно жуткий гигантский кактус, свои острые негнущиеся шипы.

Две двери – в доме и в машине – распахнулись одновременно. Человек, выскочивший из коттеджа, пробежал по дорожке, засаженной колючим кустарником к воротам, поколдовал над замком, после чего те тихо и плавно отъехали в стороны. Прибывший, слегка прихрамывая, развернулся, захлопнул дверцу седана и облокотившись о него принял выжидательную позу.

– Если ты вызывал меня понапрасну – я буду очень недоволен тобой! – заявил он, пристально глядя на встречавшего. – Ты ведь в курсе, что я хотел вернуться сюда не ранее

октября?

– Мы получили важные известия! – отозвался человек у ворот, едва сдерживая волнение. – Известия из столицы!

Приезжий взглянул на дорогие ручные часы и усмехнулся:

– Не иначе как после просмотра девятичасовых новостей?

Ерунда, подобными известиями пестрят каждый день почти все их выпуски. Я же говорил тебе – не смотри телевизор перед сном! И вообще – не смотри его...

– Сегодня в город прибыл человек, следивший за объектом. Он-то и сообщил о происшествии... – не обращая внимание на выговор, продолжил обитатель коттеджа.

– И что же заставило его покинуть ответственный... пост?

– Экстраординарное событие...

– Да что там стряслось... еще?

– Побег!!

Оба замолчали. Было слышно, как где-то в отдалении шумела река...

– А я думал, что оттуда выбраться нельзя... Что хотя бы одного из них надежно замуровали на ближайшие годы, выведя из игры! – медленно пробормотал приезжий, направившись к дому. – Конечно, это меняет все дело. Что сказал... наблюдатель?

– Объект буквально исчез, растворился... Ушел из поля зрения всех, кто вел слежку, так сказать...

– Растворился, говоришь? Мне бы очень хотелось, чтобы это было именно так. Потому что если он вновь обретет ре-

альные черты и обозначиться где-то помимо нашей воли – растворяются уже наши планы и мечты.

Последние слова были сказаны с такой угрозой, что встречавший гостя невольно поежился. Приезжий устремил взгляд темных глаз в ночное небо, отливавшее ярким светом прямо у него над головой.

Егор увидел оранжевую полосу. Она словно феерическая ночная радуга разукрасила свод. Дождь неожиданно прекратился. Следом поднялся ветер, растрепавший облака. В их промежутки проглядывала луна. Она казалась бледной, словно окутанной дымкой. По счастью, в середине сентября светало достаточно рано. Егор плотнее запахнул пальто и, не желая возвращаться на вокзал, уселся под боковым навесом на платформе. Отсюда были видны окна супермаркета. Он открывался в восемь утра. Ждать оставалось часов семь. Мальчик подобрал ноги с мокрого асфальта на скамью, обхватил их руками, уткнулся подбородком в колени, и в таком скрюченном виде встретил новый день.

Глава 5

Сосновск

К сожалению, это был день упущенных возможностей. Так про себя назвал его Егор. Единственное, что он смог сделать, это заново пополнить свои продуктовые запасы. Но

все местные газеты за прошедшую неделю оказались раскуплены. Столь живой интерес граждан к общественной жизни объяснялся малым тиражом и количеством свежей прессы. В городе, как выяснил мальчик, выходило лишь три периодических издания, те, что составляли еженедельный отчет. И один – ежемесячник, где скапливалась и сливалась воедино информация за весь прошедший месяц. Но, поскольку сентябрь был в середине, итогов стоило ожидать в октябре.

На пустеющих подставках у входа в супермаркет Егор вычитал названия газет, которые вкладывали туда по мере поступления. Каждая имела свою нишу. И не только в магазине, но и в содержательной направленности. По этому поводу его проконсультировал один постоянный покупатель.

Самым ходовым был еженедельник «Заноза.ру» – кажется, именно его название исковеркал в буфете желчный посетитель. Еженедельник публиковал развернутую ТВ-программу, кроссворды и советы по садоводству. Завел даже рубрику «письма от читателей» (вроде аналога книги жалоб и предложений). Содержал очерки некоего краеведа-любителя и онлайн-ответы местного знахаря, врача, по всей видимости, очень широкого профиля деятельности. И в сравнении с грошовой ценой как самого издания, так, полагал Егор, и советов авторов, шел на ура особенно у пенсионеров, разлетаясь в первые часы привоза. Обычно «Заноза» выходила по средам. Сегодня же была суббота. Однако, поскольку приезд интересующей его персоны состоялся накануне, со-

ответственно и отчет об этом событии мог появиться лишь в свежем номере.

Мальчик смирился с тем, что ему придется задержаться в Сосновске как минимум на неделю, а значит, необходимо было подыскать нормальное жилье. Деньги позволяли снять и комнату, и квартиру, но малый возраст наемщика сильно мешал и мог вызвать подозрения и ненужные вопросы. Вот и сегодня, на кассе, встретив Егора второй раз, продавщица, ехидно сощурила густо намазанные глаза и вдруг поинтересовалась, откуда он взялся. С кем приехал, к кому? Пришлось импровизировать по ходу беседы. Правда, в рассказ о тяжело больной бабушке и заезжем внучке, которой был направлен для усиления позиций, она не сильно поверила. Когда начала выяснять фамилию «старушки», он практически сбежал из магазина, снова со страхом вопрошая себя, неужели в Сосновске знают всех наперечет!

Перебрав возможные места укрытия, вплоть до гаражного кооператива, судя по криминальным сводкам новостей, звучащих из магазинного радио, самого небезопасного места для проведения досуга. Складов, украшающих длинными кирпичными рядами набережную и, на худой конец, самодельного шалаша за частоколом, – беглец вынужден был признать изначальный вариант с пустующей фабрикой наилучшим.

Весь день Егор копошился в цехах устраиваясь на ночлег. Перетаскивал с нижних этажей пустые квадратные ящики,

оборудуя себе нечто вроде комнаты со стенами, укрывая ее от ветра и баррикадируя вход.

Планомерно раскладывал на ступенях лестницы пустые консервные банки после очередного обеда и ужина. В случае неожиданного визита, особенно в темное время суток (хотя на лестнице практически всегда темно), они должны были предупредить мальчика заблаговременно.

А, самое главное, в нише, образовавшейся на месте вырванной из стены батареи, устроил тайник. История, приключившаяся на вокзале, с рассыпанными на виду у чужих людей драгоценными листами, не должна больше повториться. Егор завернул «договор» в полиэтиленовый пакет, обергавший от влаги, и спрятал его в щель между полом и стеной, заложив кирпичами. Зато деньги решил держать при себе.

После того, как подросток подготовил спальное место, он, наконец, отправился на подробный осмотр городка.

Новая часть, расположенная по эту сторону реки, не сильно отличалась от подобных ей в других населенных пунктах. Спальные кварталы походили на район, где жил Егор – школа, детский сад, библиотека. Раскуроченный стадион, напоминавший ипподром после скачек. Казалось бы, ничего стоящего. Блеклая картинка. Но когда в школе прозвенел звонок и распахнулись двери, послышался смех и детские голоса, его сердце дрогнуло. Мальчик смотрел на ребят того же возраста, идущих домой, почти с завистью. Как Буратино,

которому не купили ни новой куртки, ни портфеля, чтобы попасть на уроки. И хотя Егор не был прилежным учеником, воспоминания об этом огорчило. Похоже, его обучение закончилось раньше времени. Нет больше Папы Карло, да и вообще никого, кто своими наставлениями и заботой опекал бы осиротевшего подростка.

В глазах защипало от навернувшихся слез. Чтобы сдержать истерический порыв, он глотнул воздуха и громко закашлялся. Как –то хрипло, басом. Ночное бдение на привокзальной лавочке отдавалось болью в районе поясницы. Егор вдруг начал ощущать собственные ребра, врезавшиеся в живот при кашле и любых поворотах в сторону. Мальчик прижал руку ко лбу – тот был пока еще теплым. Утерся рукавом, смахнув следы отчаяния. Отвернулся от школьного двора. Здесь ему делать точно нечего. Он вернется обратно на фабрику ближе к вечеру, когда на улице станет темно. А значит надо занять длинный, тусклый день. Развлечь себя чем-то динамичным, отвлечь от грустных дум.

Сев на трамвай, проходивший через железнодорожный мост, Егор направился к старой части города Сосновска. Именно там сосредоточились органы власти, городская администрация, типография, несколько вузов и большой живописный парк.

Поскольку он старался избегать людных мест, свое первое близкое знакомство с городом решил ограничить видом из

окна трамвая. Тот шел через самый центр, объезжал все значимые места, гулко трясясь на равнине и скрипя на поворотах. Названия многих остановок вполне хватало для понимания их исторических основ и того, с чем придется иметь дело в будущем. Без деталей, подробностей и личного осмотра. Первой в маршруте была «Речная». Наверное, вокруг этой реки в средние века и образовалось поселение. В очень «средние века». Затем шел «Пивной переулок». После – Водозабор, Заводская, Парк 25-летия Октября, Аллея героев, Большой купеческий скат, Лютеранское кладбище, Базарная площадь, ну и, естественно, – улица Ленина...

Экскурсия получилась какой-то нудной ... и довольно короткой. Не успел трамвай совершить полукруг с девятью немечеными точками, как оказался на последней из них – «Лесопарк», – где и высадил оставшихся пассажиров.

Лесопарк, который лет двадцать назад был просто парком, о чем свидетельствовала надпись на воротах, даже в середине дня выглядел необитаемым. Однако, судя по скопившемуся в баках мусору, все-таки пользовался популярностью в более теплые, погожие или выходные дни.

Подойдя ближе Егор замер в изумлении: ворота у парка были, а вот самой ограды не было. Они одиноко стояли посреди широкого луга, как Триумфальная арка на Елисейских полях. Утрата ограды, видимо, случилась одновременно с тем, когда парк стал лесом и потерял интерес у местных властей, но приобрел его у других слоев общества, проявивших

заботу.

Зато ворота напоминали о былом величии. Они возвышались метров на семь, были отлиты из чугуна на каком-нибудь оборонном заводе, весили ни один центнер и в случае любых посягательств могли хорошенько зашибить, что спасло их от истребления. А клейма с гербом города, заметные на пиках, будто выполняли роль охранительных знаков: птица-вещунья яростно разевала острый клюв, щерясь на возможных вандалов всеми перьями и задирая вверх когтистую скрюченную лапу.

Четыре асфальтовые дорожки уходили от ворот вглубь парка, а затем, метров через сто, превратившись в тропинки, прямо в лес. У дорожек на равные расстояния были вкопаны новые лавочки. Две из них успели занять пенсионеры и мать с коляской, кормившая голубей. Птицы жадно толпились, налетая друг на друга, распихивая товарищей в борьбе за кусок хлеба. Но пернатые зря волновались. Как заметил Егор, из сумки женщины торчал запасной батон.

Эта картина навела его на аппетитную мысль – не устроить ли здесь, на природе, небольшой пикник с костром, а заодно уж погреть замерзшие конечности и не дать кашлю развиться во что-то более серьезное.

Он быстро прошел по крайней дорожке до березовой рощи и свернул на тропу, обсаженную кустами шиповника. Листья, скрученные в трубочку утренними заморозками, сухо шелестели на ветру. Мальчик чувствовал, совсем немного, и

его уши также начнут подворачиваться внутрь. Он потер их руками и ускорил шаг. В лесу ветер должен был утихнуть.

Не успел он пройти и десяти метров, как неожиданно двое спортсменов в зеленых костюмах и шлемах обтекаемой формы, удлинённых к затылку, очень похожие на гуманоидов, с космической же скоростью пролетели мимо на горных велосипедах. Подросток едва успел отскочить в сторону. Да, в незнакомом месте всегда нужно быть начеку. Он сошел с тропы и углубился в самую чащу.

Бредя по полянам, то тут, то там натыкался на погасшие костры и остатки еды. Кучки мусора мелькали повсеместно. Похоже, мысль о пикниках в этом парке приходила в голову не только ему. Найдя самый укромный уголок, Егор сгреб сухие, опавшие листья в середину, и спустя пару минут грелся у огня, нанизав на палочки и покручивая над языками пламени сосиски из магазина и дикие яблоки, собранные тут же, под старым кривым деревом.

После перекуса ему стало легче. Дым от костра обволакивал тело, словно теплое ватное одеяло. Мальчик прикрыл глаза, и какое-то время слушал, как скрипят длинные, тонкие стволы берез, раскачиваясь в стороны высоко над головой. Скрип был монотонный, с равными интервалами и будто убаюкивал беглеца. Через пару минут к этим звукам присоединился другой – слабое потрескивание и шипение. Егор открыл глаза. Костер угасал. Вскочив на ноги, он достал из соседней кучи оберточную бумагу, пакеты, листы газет и

подкинул в огонь.

Яркая вспышка осветила поляну и неожиданно разбудила дремавший до селе ум. Конечно, среди оставшегося от пикников мусора находились старые газеты, и если в магазине такое добро не задерживалось, то здесь его было даже в избытке! Столь необходимый Егору бесценный источник знаний. Мысленно радуясь тому, в какое запустение привели власти парк, он принялся шарить под деревьями в поисках нужного номера. Судя по тому, как распорядились газетой, это действительно было дешевое еженедельное издание. Остаток вечера мальчик провел кружа по тропинкам, заглядывая под кусты, скамейки и в мусорные баки.

Собрав, спустя час целую коллекцию газет, листков и обрывков по-чище, из тех, что вообще можно было прочесть, он уселся на скамью под фонарем, который, как ожидалось, должен был скоро зажечься и углубился в непростое изучение добытого материала.

В первую очередь его интересовали статьи, которые могли (по словам пассажиров, произнесенных на вокзале) взбудоражить общественность. Егор принялся вычитывать громкие заголовки.

«Воздушная тревога» – быстро обратила на себя его внимание. Мальчик насторожился. Однако, в рубрике с таким названием повествовали о сильно возросшей за последний год численности комаров в городе и районе. Насекомые особо активничали в ночное время, что создавала неудобства, и

мешала полноценному отдыху обывателей. Подозрения автора падали на реку Сосновку. Грязную артерию уже давно, по его личному мнению, надлежало загнать под землю.

«Реке – труба» – таким слоганом начинался следующий разбор. Тут говорилось о состоянии той же реки, «этой водной артерии города», куда периодически сбрасывали отходы предприятия и домохозяйства, находящиеся в зоне доступа к ее берегам. Поскольку загрязнение достигло критической степени, во избежание экологической катастрофы, автор считал разумным закапать реку под землю, и ставил данный вопрос перед властями «ребром».

Егор считал, что во избежание экологической катастрофы следовало бы в первую очередь загнать в трубу выбросы и отходы. Ведь при отсутствии «городской водной артерии» им все равно пришлось бы их куда-то девать, но, похоже, кое-кто из предприятий спонсировал дешевую газету (или самого автора), и выводы тот делал однозначные, призывая к самым радикальным мерам.

Третья статья с броским заголовком «Вражеские налеты» – тоже разочаровала. В ней шла речь о росте популяции...голубей, что так же приводило к масштабным загрязнениям, но уже улиц, площадей и памятников архитектуры.

«...В связи с чем, уменьшилось число летних кафе, не спасают даже зонты и стационарные кормушки. Что это, грязь природная, или же не чистоплотная конкуренция одного из наших дельцов, рассчитывающего привлечь внима-

ние посетителей исключительно к своему заведению общепита?..»

Видимо автор еще сомневался. Но далее следовал достоверный факт: «Дошло до того, что весной этого года, – Егор напряг глаза, – ...братская делегация, приехавшая для культурного обмена и встреченная радушными жителями города...и т.д. и т.п., в итоге возложила цветы не к тому монументу, так как визуально не смогла точно определить...»

Егор смял газету. Похоже, автор был тот же. Мальчик бросил комок в ближайшую урну. На улице темнело. Фонарь так и не зажгли. Температура понизилась, а его собственная, по ощущениям, резко пошла вверх. Спина и ребра снова заболели. Холод с каждой минутой усиливался. Егору показалось, что изо рта пошел пар. Он сильно замерз, причем настолько, что когда мимо него прошли две полные дамы с миниатюрными собачками, одетыми в пуховики (на одной он был оторочен мехом!), беглец едва сдержался, чтобы не сорвать его с животного, и долго провожал владельца обновки злым взглядом. Тонкий хвост оскорбительно вертелся в прорезанной дырочке, будто дразня мальчика в ответ.

Вернувшись на фабрику в десятом часу совершенно разбитым, Егор улегся на кучу ящиков, сложенных в виде кровати, подоткнул под себя края пальто и мигом заснул.

Глава 6

Зацепки

В отдельном номере симпатичного кафе- ресторана, расположенного в центре небольшого городского сквера, сидели двое и, низко склонив головы над полированной до зеркального блеска поверхностью стола, разглядывали нечто, по виду, очень интересное. Это не были их собственные отражения, как можно было решить изначально или меню кафетерия, и даже не принесенные официантом готовые экзотические блюда, пар от которых постепенно исчезал. Это была всего лишь одна небольшая фотография, к тому же, довольно слабого качества, сделанная на обычную мыльницу самой распространенной модели. Не только плохое качество заставляло зрителей напрягать глаза и опускать головы ниже, но и количество запечатленных на ней лиц. Композиция включала в себя человек тридцать, размещенных амфитеатром в несколько рядов.

– М-да, – протянул один и, наконец, поднял голову, болезненно морщась.

– Это все что он смог достать! – будто оправдываясь, сообщил второй.

– И больше, чем следовало! Зачем нам весь «коллектив», когда нужна была одна персона! Тут вся школа, что ли, снялась?

– Нет, исключительно девятые классы. Вверху ученики, внизу учителя.

– Поразительная ... пирамида... Откуда она вообще взя-

лась? – первый задал странный вопрос, но второй его понял.

– Снял со стены, как говорит, подвергаясь при этом серьезному риску...

– Не смейся меня... – зло отозвался первый, кажется и во все не собираясь смеяться.

– Но ведь стены бывают разные, правда?! – осторожно отозвался второй.

– Там, вроде, не режимный объект и не заведения тюремного типа...

Товарищ, улыбнулся, разведя в сторону руки.

– Я же просил больше не демонстрировать в моем присутствии подобных жестов... – первый поджал губы, ища выражение похуже, – ...безразличия и беспомощности.

Второй заерзал на стуле.

– Ну и где же ОН? – спросил первый, немного сбавив пыл.

– Я записал на обороте: третий слева во втором ряду.

– Втором – сверху или снизу?

– Сверху.

– У него длинные волосы?

– Тогда – снизу.

Первый снова напряг зрение.

– Лучше я все же покажу, – помощник, поведив пальцем по глянцевой поверхности, ткнул в нужное место. Оба какое-то время всматривались туда.

– Да-а. – протянул первый, отложив фото в сторону.

– На словах могу добавить – мелкий, не более 170 см, тем-

ные волосы, такие же глаза.

– Теперь мы точно не ошибемся...

– Но, там «от него» почти ничего не осталось. Все документы изъяли соответствующие органы.

– Ладно. – первый стал убирать фото в карман. – В этом возрасте они, кстати, сильно меняются. За одно лето. Не удивлюсь, если теперь это окажется двухметровый громила, который бреется каждые два дня. И не только подмышками...

Он помолчал, о чем-то размышляя.

– Пускай наш друг посетит его первую школу. В конце концов – там он провел девять лет! Наверняка остались друзья и знакомые. Беглец может наладить с ними контакт. Не пропустите этого момента!.. Но у меня все же серьезные сомнения.

– Нет- нет, это точно он. Его по куртке опознали!

– Сомнения относительно его качества. Потянет ли? Нам предстоит серьезная игра, а эта фигура одна из ключевых.

– Ну, что касается игр, детишки нам фору дадут.

– Это тожестораживает. Хотя, новое количество игроков увеличивает шансы... – первый поднялся и подошел к окну, заложив руки за спину. Поглядел в темный сад. – Но многое зависит не от нас. А проиграть мы не имеем права...

За окнами начал барабанить дождь. Тяжелые капли били по карнизу, отскакивая в стекла, словно пытаясь разглядеть, что творилось за круглыми окнами красивого особняка.

На календаре заканчивался сентябрь. Толстые ветви деревьев стучали по покатой крыше, а мрачные фиолетовые тучи, пересекавшие горизонт, говорили о надвигающейся ранней зиме.

В понедельник утром Егор проснулся с головной болью. Когда он с трудом смог подняться с деревянного ложа, то понял, что боль настигла практически каждый миллиметр его маленького тела. Ломило мышцы, трещали суставы и позвоночник, спина не гнулась, словно в нее вбили осиновый кол. Левая нога затекла и онемела. Егор попробовал пройтись по фабричному залу, но смог доковылять лишь до растяжки. Нога волочилась, как ватная, а резиновый «крокодил» на шнурках успел собрать в свою глотку колючий мусор. Егор плюхнулся назад на ящики и растер ступню. Нога ожила, но в лодыжке что-то стрельнуло, и электрическим разрядом пронзило всю конечность. Новый поход в город откладывался. В таком жалком виде он вряд ли осилит большие расстояния. А до среды оставалось два дня. Подросток не знал почему, но очень рассчитывал на среду. На выход свежего номера местной газеты. Ему казалось, что нечто важное непременно окажется в ней, даст толчок к поискам, ответы на вопросы.

Егор перебрал свои припасы. Что ж, еды ему хватит и до среды, и даже более. А дождь, который зарядил в этот момент на улице, отбил последние сомнения и желание выбираться наружу. До вечера мальчик сидел перед небольшим

костром, слабого жара которого хватало на то, чтобы греть над ним руки, и смотрел в окно.

Этот огромный прямоугольник, словно испорченный плазменный телевизор, демонстрировал только один канал, по которому беззвучно прокручивалась единственная передача – прогноз погоды. Но именно это видение сейчас успокаивало, гипнотизировало и внушало долю уверенности в то, что после дождя непременно появится солнце, а за хмурыми тучами блеснет кусок ярко-голубого неба. Лишь осенью погода, как и природа, становится столь переменчива. За сутки она успела побыть и концом солнечного августа, и ветреным октябрем, и намекнула про зиму – после обеда вместе с дождем посыпался ледяной град.

Егор просидел в гипнозе, неподвижно, глядя вдаль, на равнодушно распахнувшуюся перед ним, безучастную к его проблемам панораму весь понедельник.

Приближался вечер. Солнце, к трем часам поднявшееся над домами, к шести уже покраснело и закатилось за ближайший холм. Подросток собрался было приготовить себе походный ужин, но в этот миг в прямоугольнике, на краю недавно расчистившегося неба, появилось нечто новое: две стрелы – следы от двигателей реактивных самолетов. (Самих их не было видно, так высоко они пролетали над городом).

Один след, двигавшийся с востока, был белый; второй, летевший ему на встречу с запада, – красный, окрашенный лучами заходящего солнца. Лучи медленно сближались. Еще

немного и они сойдутся в тихом поединке. Егор как завороченный наблюдал за ними. Однако, очередная темная туча, выплыв на сцену, быстро настигала обоих, и завершила этот эпизод «звездных войн». «Экран» погас, став снова серым.

Наевшись перед сном сухариков и чипсов, съев тушеные бобы, громко икая и болезненно морщась, мальчик отправился расставлять очередные консервы-ловушки на ступенях фабричной лестницы. За трое суток, проведенных здесь, он успел привыкнуть к ее шумам, пространству (хотя до сих пор побаивался спускаться в подвал). К тому же усталость и болезнь отбрасывали в сторону, на дальнюю перспективу, любые трезвые мысли о поиске более подходящего жилья. Впрочем, до реальных холодов было далеко, а отсутствие отопления оставалось единственным минусом промышленного здания.

«Позже... – думал Егор, с трудом поднимаясь на последний этаж, – ...когда силы позволят. Можно и потерпеть». – успокаивал он себя, снова укладываясь ко сну в деревянную пирамиду.

Вторник мало чем отличался от понедельника, с той лишь разницей, что боль в ногах усилилась, а голова стало будто чугунная. Ветер, казалось, гудел уже не в здании, а внутри его черепной коробки. Ни чипсы, ни сухарики (все то, что могло долго лежать и не портиться) не лезли в горло, испортил и аппетит, и желудок. В окне висела серая заставка, го-

ворившая о том, что других передач на сегодня не предвидится. В середине дня потемнело. Капли стучали по стенам фабрики до позднего вечера. Растяжка гулко хлопала, мешая дремать и просто думать.

Егор всю ночь ворочался на ящиках, ежесекундно поражаясь, каким образом ему удалось провести на этом пыточном станке три ночи кряду. Теперь он гораздо сильнее и острее ощущал все их углы и пустоты. Старое драповое пальто почти не защищало от неудобств конструкции. Когда Егор сворачивался – затекали ноги, болели ребра. Когда пытался вытянуться – ящики разъезжались в стороны. Пару раз он проваливался на пол. Тогда ему приходилось вставать и заново сооружать пирамиду.

Так он промучился до утра, буквально призывая среду, и возмущаясь расписанию выхода номеров местной прессы. И почему новая неделя у них начиналась не с понедельника, как у остального трудового народа?...

Увы, но всем известно, когда чего-то очень сильно ждешь, оно никак не наступает. Эта ночь показалась ему самой длинной. Дождь вяло лил, смазав в дымке фонари, а заодно растворив и время. С вокзала постоянно слышалось кудахтанье диспетчера, гудки подходящих мимо поездов.

Под утро Егору начали сниться сны, смысл которых был в поиске... Поиске того, чего вообще невозможно найти. Самые неприятные из всех известных сновидений. Мальчик

очнулся, потянул вверх замлевшие руки и тут же зябко поёжился. Холодный сырой воздух пробрал до костей. Приподнявшись с ящиков, он выглянул в окно. Резкий ветер хлестким ударом отбросил длинные кудри с лица. На улицах было пустынно – значит, еще совсем рано. Время на вокзальных часах отсюда не разглядишь. Егор протер кулаками опухшие глаза и обвел мутным взглядом окрестности. Базарную площадь рядом с вокзалом затянуло желтоватой дымкой до окон второго этажа. Она напомнила мальчику концертную площадку в столичном саду, где прошлой осенью проходил конкурс исполнителей эстрадных песен. Периодически из этого тумана, как звезды на сцену, вылетали пустые целлофановые пакеты и куски обёрточной бумаги. Покружив в вихре, они плавно опускались обратно в густую субстанцию, и исчезали в не бытие. Зато дождь закончился.

В семь часов выключали фонари. Когда их свет погас в проулке, Егора затрясло от возбуждения. Он практически вслух отсчитывал оставшееся время. К восьми, моменту открытия магазина, дрожь захватила даже внутренности. Скрутило живот. Он знал, что придется выждать как минимум час – персонал раскладывал по полкам новый товар, но терпения ему отказало. Мальчик примчался к вокзалу и, примостившись у одной из колонн, наблюдал за разгрузкой через его окна.

Вот толстая женщина в синем форменном жилете внесла в торговый зал кипу газет, и начала заполнять подставки для

прессы. Егор сжался, как атлет, готовый к прыжку, с напряжением следя за ее неспешными телодвижениями, мысленно подталкивая и торопя. Увы. Очень скоро она споткнулась о ящик с лимонами, стоящий посреди прохода и, отложив газеты, принялась передвигать его, заодно обругивая кого-то из грузчиков.

К огорчению Егора, адресат ее тирады быстро откликнулся. И не только отозвался, но и сам явил себя к месту плевого происшествия. Они долго спорили о чем-то, бросив дело. Егор обкусал себе губы, переступая с ноги на ногу, но спор не кончался. Тогда он отлепился от колонны, и решительно вошел в магазин. Осторожно продвигаясь между рядами, приближался к месту столкновения печатного слова и грубой физической силы. Громкие голоса разносились по пустому залу. Правда, печатных слов там становилось все меньше, но и те, что не портили слух, как ни странно, вполне соответствовали антуражу и декорациям сцены: «почеши репу», «завали дыню», «убери свой арбуз»... Хотя их там и не было...

Когда перечисление анатомических особенностей спорщиков было исчерпано – иссяк и сам конфликт. Егор выглянул из-за стеллажа – грузчик стоял с разинутым ртом и как испорченный светофор, мигал красными, тусклыми глазами. Его словарный запас оказался жидковат. Оппонент досчитала до трех, после чего зафиксировала технический нокаут.

Синий жилет одержала победу, не потому что в ее фигуре

было меньше изъянов. В ней было одно небольшое, но очень важное достоинство – острый язык, которым та и проткнула дутую репутацию всего сильного пола. После чего газетная кипа, наконец, разлетелась по полкам.

Егор поспешил к попитрам для прессы. Взял самый объемный пакет и напихал в него все свежие издания, включая кроссворды, календари, советы огородникам и кулинарам. Сборник диалектических выражений (пословиц, поговорок) и что-то типа: «100 лучших анекдотов» (для досуга), «100 самых известных людей» (а вдруг!), «100 самых молодых миллионеров» (все может быть!)...

Едва не лопнув от нетерпения, по лужам, не замечая того, что промочил ноги до щиколоток, подросток бежал к своей обители на верхнем этаже. Трясущимися руками разложил газеты. Принялся аккуратно перебирать страницы. Новостей было много и абсолютно разной направленности. Дабы сократить работу, он начал, сперва, вычитывать заголовки. Однако, как и в предыдущий раз, в парке, они мало соответствовали содержанию очерков, и призваны были лишь привлечь внимание к себе.

Негромко выругавшись, Егор решил кропотливо перечитывать по очереди все статьи. Через полчаса им овладело уныние, через час полное разочарование и чувство краха надежд. Но, отнюдь не тон и содержание прочитанного так огорчили беглеца. Егор с досадой осознал, что ничего каса-

тельно его дела, поисков и персоны, оставившей витиеватую подпись, даже намек на нее, не было ни в одной из прочитанных историй.

А что, в конце концов, он ожидал? Что где-то будут упомянуты события весны, произошедшие за пределами страны, касающиеся его семьи? Или некий прозорливый и въедливый автор выведает тайну странного договора, подписанного в городе неизвестно кем полгода назад... Все было буднично, серо, беспросветно.

До вечера мальчик перечитывал газеты, решал кроссворды, разглядывал снимки знаменитых и богатых людей. Вдавался в особенности местного колорита с краеведом-любителем. Узнал многое о здешних обычаях... столетней давности. О прогремевшей на международной выставке в Париже национальной одежде – вышиванке, подпоясанной красным кушаком, в орнаменте которой, состоящим из десятка различных символов, якобы содержалось зашифрованное послание будущим поколениям. Ответы на вопросы о грядущем страны... Наверное, прочесть их так и не удалось, потому что скорое будущее, так же прогремевшее на международном уровне, для всех, очевидно, стало большим сюрпризом.

«Вести с полей» (лунного садового календаря) порадовали мальчика небывало выдающимся урожаем топинамбура, впервые за двадцать лет собранным в Сосновске. Данный факт тоже слегка поражал, ведь как тут же упоминал автор,

ранее он не культивировался вообще.

В качестве рекламы, специально для растениеводов, шло добавление о появившейся в магазинах города знаменитой складной мотыги иностранного производства, позволяющей даже неопытным любителям собирать со своих соток не менее колоритный и весомый приплод...

Апатия навалилась как вечерний туман на маленький город. Она подавляла все светлые чувства. Разочарование было настолько глубоким, что ему снова захотелось громко, по-детски рыдать. Он пару раз всхлипнул, но ребра и спина заглушили боль душевную, болью физической. Поиски завершились бесславно, полным провалом. Теперь предстояло либо вернуться к исходной точке пути, либо остаться в Сосновске, и поставить точку уже на собственной жизни.

При свете загоревшегося в шестом часу вечера фонаря, он дочитывал летопись провинциальной жизни, без особого интереса погружаясь в ее перипетии. Мимо ходом надо заметить, что она оказалось весьма насыщенной, хотя мальчик и не способен был сейчас это понять. Вот отрывок одной из статей – «Европейские гастроли» – которая поначалу вызвала его живейший интерес:

«Группа прославленных у нас (а теперь и у них), – не без язвительной радости замечал корреспондент, –... «мастеров жестяного искусства», побывала нынешним летом на гастролях в Европе. Там она выступила с «номерами»... московского региона (не запятнав чести родного города, что при-

ятно). Визит был краткосрочный, но чрезвычайно наполненный, с посещением сразу нескольких центральных столиц. Ходят слухи, что поездку приурочили к выпуску новой модели... , пользующейся у нас особой популярностью... В живую выступление оценили лишь несколько частных лиц (счастливых, уже в прошлом, обладателей данной модели). Остальные жители смогли лицезреть «спектакль» в записи, сутки спустя, в хронике криминальных происшествий по центральным ТВ-каналам...

Известно, что сольные партии в нескольких «постановках» с успехом исполнил наш соотечественник, уроженец здешних мест, так что «группа», возможно, и впредь будет приглашать на международные гастроли эту талантливую молодую звезду... По некоторым сведениям, в ближайшее время нам стоит ожидать появление как модели, так и звезды на улицах Сосновска. Небольшие каникулы после трудовых подвигов! Несомненно, они оба очень украсят город, а может и чей-то быт...»

В конце автор ехидно добавлял: «По некоторым данным, там же провели свой отпуск несколько чиновников Администрации, включая самого Главу, однако, связи с двумя поездками не прослеживается».

Егору показалось, что ради этой добавки автор и замыслил всю статью.

Заметка: «Что год грядущий нам готовит или кандидат с «душком», начиналась фразой: «проблема не кончается с

последним листком в календаре, и последним мешком для мусора в вашем арсенале»...

Речь шла о предвыборной кампании, набравшей ход и пленившей умы ответственных и равнодушных людей города. Журналист пугал перспективами недостойного выбора. В своем очерке он подробно разобрал уже упомянутый отдых Главы города, который вернулся к исполнению обязанностей лишь в нынешний понедельник.

...Отпуск в сентябре, конечно не самое приятное и желанное событие, если вы не проводите его на лучших мировых курорта! – констатировал корреспондент. – А уверения в том, что это была «рабочая поездка», выглядят как минимум смехотворно, – (завистливо и злобно добавлял он), – Ибо накопленный мэром «опыт» купания в альпийских радоновых ваннах и сероводородных источниках и рядом не стоит с таким же опытом окунания всего города или большей части его старых улиц и обветшалых домов, в вышеупомянутые источники местного разлива, концентрация «полезных веществ» в которых на родной земле не в пример значительнее зарубежных...

...Стоило ли тратить на вояж бюджетные деньги? – задавался вопросом ревизор, в конце буквально исходя желчью, и замечая, что если мэр занимается «купанием в дерьме» добровольно, то все остальные сограждане окунаются поневоле.

Видимо, мэр ожидал подобной реакции и успел подстра-

ховаться. Так в отделе досуга и развлечений одной из газет упоминалось о празднике, устроенном в минувшие выходные для горожан.

«На центральной площади был устроен фестиваль еды, детские аттракционы, салют. На улицах бесплатно «наливали»... – приводилась выписка из пресс-листа Администрации города.

Но и она не осталась без критики: «Конечно, кто же захочет ...лить платно! Тем более, в отсутствии общественных уборных! – возражал редактор под пресс-релизом. – Да, культуру по-прежнему надо «внедрять», сама не появится, не произрастет даже на нашей городской, хорошо «удобренной», особенно после праздников, почве. К тому же и повод для веселья – сомнительный!»...

У Егора стали слипаться глаза. Строчки кривились, изгибались, наслаивались друг на друга. Он откинул журнал в сторону. Осталась последняя газета. В горле пересохло, хотя читал он про себя. Взяв бутылку газировки, припал к ней и одним залпом осушил наполовину.

Открыл первый лист, напряг зрение и... замер. Вот оно. Сначала Егор не понял всего смысла. Затем прочитанное начало доходить, тьма проясняться. Казалось, все пузырьки газа, которые скопились в желудке, разом поднялись вверх и взорвались в мозгу. Это было не совсем то, что он ожидал, но пазл (один из недостающих) все же встал на место.

Мелким шрифтом, внизу, практически вынесенной за

пределы столбцов с официальной информацией, шла короткая заметка. «Опровержение».

«Редакция газеты вынуждена признать, что случай с коммерсантом, упомянутый неделю назад, не вполне соответствует действительности. Специалисты не склоны объединять две поездки известных у нас персон в одну историю. Будем считать, что это очередная утка, пущенная недоброжелателями. Осенью они особо активны. – (мальчик не понял, кто именно – утки или недоброжелатели). – Однако, и она успешно сработала на популяризацию образа хозяина знаменитого в городе заведения, интерес к личности которого не ослабевает и по прошествии трех лет с момента его возвращения и основания полюбившегося многими клуба, так украсившего нашу провинциальную жизнь. Дабы не создавать рекламу, мы не упоминаем имени, хотя постоянные читатели без труда опознают в нем... и т.д. и т.п.»

Пока Егор читал заметку, его рот сам по себе растягивался в длинную, сладостную улыбку. Чего ожидать от новости, хорошего или плохого, было конечно не ясно, но известие почему-то обрадовало мальчика. Это был тот луч света, забрезживший в темноте, который дарил надежду и укреплял пошатнувшуюся, было, уверенность в себе. Он все таки на правильном пути, а значит искать новое направление, или возвращаться к исходному, больше не нужно...

Беглец не мог спокойно сидеть, он вскочил на ноги и прошелся по холодному, пустому залу. Улыбка будто приклеен-

ная не сходила с лица. Егор постоял у окна, чувствуя, как сильно бьется в груди его сердце. Стал мысленно повторять текст, основные доминанты и тезисы. Затем снова вернулся к газете. Перечитал статью, словно рассчитывал выжать из нее что-то новое, узреть намеки, которыми так любят сыпать журналисты, прочесть между строк. От волнения у него заболела голова. Тогда мальчик улегся, прижимая ее к груди, закрыл глаза, и попытался представить себе этого человека, но уже через пару минут тщетных усилий провалился в долгий, глубокий сон.

Под утро ему все же приснился какой-то человек в синем жилете, подпоясанном красным кушаком, собиравший богатый урожай топинамбура... на участке, заросшем диким репейником и огороженным от города остропиким частоколом. Он высоко взмахивал вверх знаменитой во всем мире, а теперь и у нас, складной мотыгой и с усилием втыкал ее в землю. При этом раздавался некий неприятный хлюпающий звук.

Егор отчего-то боялся подойти ближе и разглядеть лицо этого человека. Ему наоборот, вдруг очень захотелось бежать, но тут на плечо опустилась чья-то рука. Мальчик обернулся. Рядом стоял отец и благостно взирал на странную картину. Такое выражение у него было в те редкие дни, когда удача поворачивалась нужным местом. Например, после выигрыша в лотерею 60 рублей, при цене билета в 80. Или, при

получении в подарок третьего бесполезного товара с истекающим сроком годности, в придачу к двум оплаченным ... и таким же протухшим.

– А вот и он... – сообщил родитель, глядя вперед. Егор вздрогнул и посмотрел туда же. Человек в кушаке продолжал махать, не обращая на них ни малейшего внимания. – Наш домик в деревне. – пояснил мальчику отец.

Егор пригляделся внимательнее. Глаза защипало, голова начала болеть так, словно собиралась треснуть. И неожиданно, за спиной у капавшего, он и впрямь увидел аккуратный белый домик с цветными распахнутыми ставнями (как из рекламы деревенской еды), примостившийся в глубине фруктового сада. Домик был маленький, размером со скворечник и еле виднелся за высоким колючим сорняком.

Егор хотел спросить, как же им жить в подобном сооружении, но хлопаящий звук все нарастал, заглушив уже и голос отца, и его собственный. К нему прибавились металлические удары, резонировавшие в уши и усиливавшие головную боль. Что-то холодное неожиданно прикоснулось к лицу, и Егор в испуге проснулся.

Не успел беглец отойти от ночного сновидения, как новый кошмар открылся его глазам. Прямо перед мальчиком, нависнув тенью и заслонив собой солнечный свет, застыл человек. Он не был в красной рубашке, и не держал в руках складную мотыгу, не был похож и на растениевода-любителя, а

хлопающие звуки, кажется, исходили от самого Егора – ночью у него начался сильный насморк. Но весь ужас состоял в том, что человек все равно казался продолжением мрачного сна, материализовавшимся призраком. Он возник слишком внезапно, неожиданно, из неоткуда. И вид его действительно пугал. Что-то огромное, мохнатое покрывало голову (то ли волосы, то ли шапка), затем ниспадало на лицо и превращалось во всклокоченную бороду. Далее шел не менее лохматый ворот, косо державшийся на грязном, бесцветном и крайне засаленном ватнике.

Одной рукой он зажимал целлофановый пакет, в котором лежали аккуратно собранные консервные банки – ловушки (ясно, почему они не сработали), а другой, самым локтем, стопку газет, тех, что накануне перечитывал, а после в досаде разбросал по залу мальчик.

Человек наклонился к нему, очевидно предприняв попытку более близкого знакомства. Его левый глаз, угольно черный, с подозрением рассматривал беглеца. Правый же не проглядывал за складкой нависшего, посиневшего века. Наверное, в отличие от Егора он не смог вполне разглядеть то, что хотел. Тогда пришелец поднял свободную руку к лицу, при этом все так же плотно зажимая газеты локтем, и двумя пальцами раздвинул щель. В промежутке явился кроваво-красный глаз. С мокрой бороды и рукава на лоб подростка шлепнулись холодные капли.

Неизвестно, разобрал ли незнакомец то, что хотел, но по-

следнего зрелища Егору было достаточно. Ночному кошмару не будет конца! Мальчик заорал во все свое больное горло. Крик получился устрашающим, с переходами от хриплого баса на скрипучий фальцет. Чужак от неожиданности отпрянул. Егор воспользовался моментом и вскочил с ящиков. Опрокинул пирамиду на пол, перекрывая незнакомцу путь для возможного преследования, и со всех ног помчался к выходу. В несколько прыжков преодолел расстояние в пару десятков метров, распахнул дверь, и вылетел на площадку фабричной лестницы.

Здесь случилось то, чего он давно опасался. Отслоившийся носок старых кроссовок зацепился о высокий порог. Егор по инерции продолжал движение вперед, но ногу дернуло обратно. Мальчик неуклюже взмахнул руками. Послышался треск – подошва практически оторвалась, и он, не имея возможности за что-нибудь ухватиться, полетел по ступеням вниз головой. Егор успел мысленно сосчитать лишь четыре удара, после чего, на повороте, приложился затылком к стене. В следующий миг сознание покинуло его, погрузив в не менее пугающую темноту.

Этим вечером в одном популярном заведении города Сосновска было малолюдно, поэтому появление молодого человека не вызвало особого любопытства и интереса у немногочисленных посетителей. Хотя личность отчасти оказалась занимательной.

Парень тихо вошел в двери, огляделся и подсел к человеку под красным фонарем. Надо заметить, все столики в заведении были украшены такими разноцветными электрическими шарами. (Хотя красным – лишь один.)

Вместо приветствия человек кивнул на газету, что лежала на столе перед ним:

– Читал о твоих похождениях. Очень впечатляет. – ухмыльнулся он.

– А я о твоих. – отозвался парень. – Они не менее интригующие...

– Выходит, мы оба прославляем славное имя Сосновска. Кто-то даже вышел на международный уровень!

– Но, как видишь, дела малой Родины по-прежнему первостепенны. Примчался по зову души, так сказать... и твоему приказу.

– Ценю. – коротко отметил человек. – Патриотично...

– Конечно. Но одной идеей сыт не будешь. Закажи мне что –нибудь из меню. Дорога была длинной.

– Даже не знаю, что предложить. На кухне мало что осталось. Вот разве луковый суп. Его еще не брали сегодня.

– Как и всегда. В нем явно есть какой-то изъян. Им стоило поколдовать с рецептом...

– Сначала о деле – награда потом. – оборвал тираду человек. Красные отсветы фонаря падали ему на лицо, придавая тревожность. Несмотря на изначально благоприятное впечатление, при более близком знакомстве любой начинал

ощущать опасность, исходившую от этой персоны.

– Ладно. – согласился парень. – Я провел расследование по Вашему запросу. Как и ожидалось – данные оказались засекречены.

– Что-что?

– Увы. Но тайну следствия пока никто не отменял. А собранных сведений крайне мало.

– Я слушаю тебя.

– Улик на месте событий не осталось. Проще сказать, их не было там вообще! Квартира – полностью «зачищена» и обновлена. Опрос свидетелей тоже ничего не дал. Тех, что остались в школе рассредоточили по разным классам, с учетом их ... наклонностей. Однако, у большинства таких выявить не удалось, и они составили самый большой по численности класс. Впрочем, при личном посещении я застав в нем от силы семерых человек.

Вторая группа учиться на физмате. И хотя эти регулярно посещают занятия, найти с ними общий язык оказалось гораздо труднее. Похоже, и «наш» с ними контактов не имел ни до исчезновения, ни после.

– Что говорят учителя?

– Тихий мальчик.

– Это я уже понял.

– Скромн, незаметен...

– Плохая характеристика.

– Ни в каких общественно полезных, а равно и вредных

акциях участия не принимал.

– Любимый предмет?

– Неизвестно. Вроде, физкультуру регулярно посещал, из чего можно сделать вывод, ребенок шустрый. Правда и там успехами не блистал, рекордов не ставил. Пассивен, ленив...

– Значит, далеко уйти не мог.

– Вопрос лишь в направлении. – согласился парень, схватив кекс с ближайшего блюда.

Человек резким движением перегородил доступ к выпечке и наклонился к самому уху гостя: – Вот ты мне его и укажешь. – После чего включил экран планшета, и начал загружать известное приложение с географическими картами и локацией.

Глава 7

Дед

Неизвестно, сколько он пролежал без сознания. В редкие моменты, когда оно возвращалось, Егор видел себя уже не на холодной бетонной лестнице, а в каком-то обклеенном газетами закутке, в тепле, на мягкой подстилке. Свет был тусклый, но желтоватый и рассеянный, похоже, рядом горела лампа. Часто пахло кислым. Хотя иногда запахи менялись – до его ноздрей доходил табачный дым, крепкий, подолгу не иссякавший. Аромат плесни и чего-то жаренного, скорее всего сала или дешевых котлет; а еще грибов, но уже не жа-

ренных, и точно не съедобных. И постоянно – лука. Им, казалось, пропитались стены, пол, потолок и сама подстилка, на которой лежал мальчик.

В тот вечер, когда он окончательно проснулся, потянуло спиртными парами. Егор лежал на спине широко открыв глаза и разглядывал навес над собой. Его образовывали узкие трубы, шедшие вдоль стены. Вода в них бурлила и гудела. Мальчик перевел взгляд. Помещение, в котором он находился, показалось довольно просторным. Практически такой же зал, что и на фабрике, но разделенный на сектора. Трубы разного диаметра, толстые и узкие, опоясывали его по периметру. Два маленьких окошка, зарешеченных снаружи, были прорезаны высоко над полом и почти не проводили уличный свет внутрь. Зато его давала электрическая лампочка, действительно висевшая под потолком, временами потрескивая и дрожа. Больше в поле зрения Егора ничего не попадало. Зато до ушей доносились голоса. Кто-то слева от него, за углом, гремел посудой – звенело стекло. Раздалось шипение...

– Вялая морковь. Судя по ее виду, она успела как следует перезимовать...

– И не один раз!

Шипение усилилось, запахло гарью. Вверху у лампочки закрутились сизовато-голубые завитки дыма.

– Смотри, не спали наш единственный очаг!

– А что, вытяжка не работает?

После этой фразы в одно из маленьких окошек полетел

некий темный предмет квадратной формы. Стекло в форточке треснуло и посыпалось на пол. Повеяло ветерком, и синие завитки под потолком испарились.

– Ты что творишь! – выругались хрипло. – Зима близко! Мы околеем!!

– Гораздо ближе – угарный газ, пускай продует... Из-за твоих харчей тут дышать нечем!

Это была совершенная правда. Но, несмотря на распахнутое окно, Егор все равно закашлялся. Голоса смолкли.

– Очнулся... – констатировав факт, проговорил хриплый голос. – И как раз к ужину...

Заскрипели половицы, кто-то встал на ноги.

– Смотри, чтобы снова не простыл. Опять кашляет!

– Это лучшее, что мы могли услышать за последнее время.

Но, все равно окно придется заделать...

Шаги приближались, и вот перед Егором всплыло знакомое лицо. Сейчас, к счастью, оба карих глаза, целых и невредимых, мирно смотрели на мальчика. Шапки и тулупа на человеке не было, что слегка изменило его вид и общее впечатление. Он протянул руку и пощупал лоб Егора. Тот дернулся назад, при этом приложившись о что-то твердое. Затылок заболел, и беглец вспомнил свое падение.

– Жар спал... – объявил человек, отходя от него.

Егор тоже пощупал голову. Сзади, под волосами, проступала огромная шишка, а может даже гематома!

– Где я? – произнес он первую фразу. Точнее попытался.

Сначала послышались каркающие звуки, горло снова забило кашлем. Прочистив его, Егор повторил вопрос, который мучил его практически с момента воскрешения.

– На фабрике. – отозвался человек, смахивающий на Деда Мазая. – На пять этажей ниже...

Фабрика! Егор в удивлении замер. Выходит, те звуки и голоса, что ему казалось, он слышит временами, и вправду доносились из подвала. А все то время, что он провел наверху, внизу тоже кипела жизнь. И трубы отопления не отключались... Егор быстро ощупал себя: одежда, ботинки и пальто были на месте, но вот – деньги...

– Где? – спросил мальчик уже громко и отчетливо.

Повисла тишина.

– Опять бредит. – отозвался тот, что оставался вне поля зрения. – Сестра милосердия из тебя никудышная! Твоя отмороженная клешня не определила точный градус. С мальчиком – прокол. Хотя у своей бодяги ты правильный градус мог выявить на глаз, дистанционно.

Егор сел, подогнув колени, и упрямо уставился на Деда. Позади того, за покосившемся столом, сидел человек помоложе и очищал шелуху с луковицы, бросая все в чугунный котелок. Рядом поблескивали две чекушки.

Очаг посреди комнаты представлял из себя усовершенствованное кострище – мангал. Среди кирпичей, выложенных квадратом прямо на бетонном пыльном полу, покрытым сажей, тлели раскаленные угли. Два прута, установленных по

разным сторонам очага, соединялись вверху третьим, на нем раскачивался медный чан, в котором бурлило варево. Запах витал очень терпкий, как в химической лаборатории, где ставят запрещенные опыты. Тот, что сидел у чана помешивал варево, сверяясь с некоей бумажкой, будто с инструкцией. Все это выглядело пост апокалептично, если бы не ингредиенты зелья, разложенные на столе перед «поваром». Абсолютно безвредные замороженные корнеплоды, типа картошки и моркови, горка знакомой зелени, горох. Их вид и цвет опять напомнили Егору о потере:

– У меня были деньги! – жалобно, но по-прежнему вызывающе промычал он.

– У всех нас они когда-то были. – со вздохом отозвался человек за столом.

Мальчик с сомнением взглянул на него: – Но... это же мое имущество. Кто его взял?! – начал он было. – И зачем...

– А как ты полагаешь, твое нахождение здесь и эта койка не оплачиваются?! Еда, уход, охрана, предоставление убежища – все имеет свою цену! Мы не благотворительная организация... – возмутился вдруг Дед.

– У-убежище?! – с испугом, заикаясь, повторил Егор. Может его и впрямь ищут? Ведь времени с момента побега прошло достаточно. Выходит, розыск вышел на федеральный уровень...

Хотя нет, педагоги интерната не могли знать, что он в Сосновске. Никому не был известен адрес, указанный в догово-

ре, скрытом в тайнике! «Берут на испуг» – решил мальчик.

– Не слишком ли дороги ваши услуги?! – он снова начал возмущаться, вспомнив, что собирался жить на отцовские деньги не один месяц.

– За неделю! Скажи спасибо, что в долги не вошел...

– Уложился... – хихикнул второй, добавив зелени в чан. – И на мой лежак, кстати!

– Неделю!! – не поверил Егор и вскочил на ноги. Но тут же ощутил невообразимую слабость, закачался и поспешил сесть.

– Да уж! – протянул Дед. – Первая декада октября прошла...

– Пропустил все самое интересное. – качал головой глумливый повар, берясь за спирт. – Но иногда очень полезно вот так уйти ... в себя, на время. Побывать за пределами... реальности.

– Надеюсь, что и мои деньги пошли вам... на пользу. – Егор с обидой посмотрел на стеклянные дутые пузырьки.

– Это – дезинфекция... – пояснил человек у чана.

– Деньги «пошли» не нам, а тем, кому принадлежит это место. – отозвался Дед. – Видишь ли, в нашем мире у каждой вещи, каждого предмета и угла есть свой хозяин. Вся городская территория давно поделена. Снимаешь жилье – плати за место, взамен – охрана и очаг.

– А хочешь попасть под бесплатную раздачу, так у нас это мигом устроят, ты намекни, прояви инициативу... – не пе-

реставая радовался второй.

Егор не хотел намекать, поэтому, несмотря на болезненное расставание с деньгами, он, все же, скрючился на чужом лежаке и затих. Оказаться в компании подобных людей, на самом дне, да еще и лишившись всех средств, было мучительно, страшно и стыдно. Эта новость шокировала, выбивала из колеи.

– Готово! – провозгласил, меж тем, человек с чаном, откладывая ложку в сторону.

Дед сделал приглашающий жест, но Егор замотал головой и задвинулся поглубже в свою нишу.

– Брезгают...

– Как и все, по началу... – Дед с кряхтением уселся за стол и оба принялись есть из одного котла.

Их спокойствие и удовлетворение грязной обстановкой, в которой происходила трапеза, окончательно отрезвили мальчика. На него накатило тяжкое уныние. Слезы, несмотря на титанические усилия, предательски выступили на глазах. Он пару раз судорожно всхлипнул.

– Информация на будущее. – безжалостно оповестил Дед Мазай. – Не рассчитывай, что отсидишься в том углу. Со следующего дня начнешь работать. Считай, что твой больничный подошел к концу. Цены к зиме растут, а платить за тебя некому... Или – есть кто?..

Егор отрицательно покачал головой и захныкал.

– Ну вот. А хочешь на улицу, так никто тебя не держит! К

тому же лишний рот нам не ... по зубам...

Второй расхохотался, забрызгав варевом колени, и обнажив во рту нестройный ряд гниющих осколков.

– Так что, готовь себя морально и физически. Ты вступаешь во взрослую, трудовую жизнь... Я оставлю за тобой «место», только при внесении еженедельной оплаты. В случае просрочки – пени не начисляют. Просто подбирают другого жильца...

«Уж лучше в приют» – мелькнуло в голове у Егора. Он не выдержал, и чтобы заглушить рыдания, упал лицом на потрепанный тюфяк. Хрупкое тело сотрясилось от спазм. Что же дальше?! – вертелось в воспаленном мозгу, не давая покоя.

На Высокой горке, в доме, расположенном в дорогой части поселка, среди лабиринта узких улочек и переулков, горел свет.

В большой комнате первого этажа, с высокими потолками и двумя окнами, выходящими в тенистый сад, представлявшей собой нечто среднее между кабинетом и гостиной, разбирали почту, казалось, накопившуюся за пару недель.

Хозяин дома пересматривал письма, пришедшие на его адрес, ограничиваясь прочтением имен отправителей, и исходя из значимости этих имен, раскидывал в две стопки на столе. Писем пришло не меньше десятка.

Остальная почта – газеты и рекламные буклеты – были

свалены в кучу у дверей. Стоя на коленях, их осторожно перекладывал человек постарше, и судя по всему, в их негласной иерархии занимавший место подчиненного.

– Стоит куда – нибудь отлучиться, как тебе тут же начинают писать! – объявил хозяин недовольным тоном.

Его помощник хмыкнул в ответ, выразив полное согласие. Шелест продолжился.

– Ты читаешь лунные календари? – спросил вдруг хозяин. Помощник задрал голову вверх и посмотрел с изумлением. Хозяин продолжил читать письма, но вся его поза говорила о том, что он ждет ответа на вопрос, и удивленным взглядом тут не ограничишься.

– Конечно нет! – отозвался помощник. – А что?

– Календаря не оказалось в общей куче. Сомневаюсь, чтобы его забыли нам прислать! – хозяин кивнул на газеты, сваленные у стены.

– А он тебе очень нужен? – задал в свою очередь немного дерзкий вопрос его помощник. Он знал, что хозяин никогда не состоял ни в садовом товариществе, ни дачном кооперативе и, более того, не являлся сочувствующим.

– Вопрос не в том, нужен ли он мне или нет, а в том кому еще он мог понадобиться? Я ведь говорил, чтобы из почты не брали ни газет, ни писем, прежде чем Я их не просмотрю... Взяли газету – значит, могли взять и что-то другое...

– На этот счет можешь быть спокоен. Лунный календарь забрала Лилия. Она сообщила, что замачивает семена для

рассады и ей нужно знать, в какой день это лучше всего сделать.

– Ей лучше всего не делать этого вообще. Тем более – в моем доме. Пусть и не думает разводить на кухне сырость.

– Я давно предлагал нанять подходящую домработницу. Подготовленный персонал всегда лучше дилетантов.

– Зато пока она живет в пристройке, мне не нужен сторож.

– Ну да. Гроза района. – улыбнулся помощник.

– К тому же печет потрясающие кренделя...

– Попросить ее вернуть календарь обратно? – с иронией вскинув брови, спросил помощник.

– Не надо. Думаю, она уже нашла ему применение. У старушек страшно много способов использования прочитанных газет.

– И о некоторых даже страшно подумать...

Хозяин дома сурово посмотрел на друга и тот мигом умолк.

– Мы, к сожалению, не можем отказаться от «подписки», за неимением таковой. Его все равно будут кидать в наш ящик. – хозяин задумчиво уставился на одно из писем.

– Я говорил, как решить «лунный вопрос». Всего один «разговор по душам» и... – помощник вопросительно уставился на влиятельного друга. Но тот продолжал разглядывать красочный конверт. Тогда помощник поднялся с пола и подошел ближе. Письмо было прислано из соседнего города (столицы). Фамилию владельца дома написали аккуратным

округлым подчеркиком сразу с тремя ошибками. Но адрес указали верно.

Тот быстро смахнул со стола оставшуюся не прочитанной корреспонденцию. Разорвал конверт и извлек из него два листа в клеточку, мелко исписанные с обеих сторон. Недовольно сморщив нос, он уселся в кресло перед столом и принялся читать. Помощник склонился у него за спиной.

Только на середине второго листа автор излагал причины, по которым решился написать. Причем, делал это очень туманно, не спеша приводить аргументы и доказательства. Прошло 10 минут. Оба успели дважды перечитать содержание письма.

– Да-а. – протянул хозяин. – Этого стоило ожидать. В игру вступают новые персонажи...

– Что будем делать? – осторожно спросил помощник.

– Ничего... – медленно отозвался владелец особнячка. – Сохраним статус-кво... Подождем их следующего шага. Время покажет, серьезная опасность или пустой блеф...

Развернув кресло от стола, он задумчиво смотрел через стеклянную дверь в темный сад. Там, на ветру, в тусклом свете нарождающегося утра колыхались небольшие мохнатые ели. На лице смотревшего не выразалось никаких эмоций. Взгляд застыл, зрачки расширились, отчего глаза казались совершенно черными.

Такой взгляд не сулил посланнику письма ничего хорошего.

Глава 8

Странный разговор

На следующее утро Егор немного пришел в себя и попытался, что называется в подобных случаях, мыслить здраво. Подсчитать плюсы и минусы нового положения. Без сознания он провел, как понял, всего пару -тройку дней, несмотря на уверения подвальных знакомых, которые, наверняка, давно потеряли счет времени. Денег не было, зато договор остался у беглеца, так удачно упрятанный в нишу! Этот бесценный артефакт, нить, связавшее прошлое и будущее, приведшая его сюда. Спасительная соломинка, которая рано или поздно вытянет мальчика с самого дна. (Стоило временно забрать его из тайника. Он не мог держать документы на расстоянии, узнав, как много сомнительного народу слонялось по фабрике).

К тому же подросток обрел, во всех смыслах, «теплое место». А в середине октября это было крайне актуально. И наконец-то завел «связи», о которых размышлял все последнее перед падением время. Впрочем, связи были сомнительные. Но главное, чтобы «падение» не затянулось, – думал Егор. А для этого, по мнению мальчика, у него имелись устойчивые моральные принципы, воспитание и... цель. И идти к ней надлежало неуклонно, приближаясь на шаг, а лучше на два.

Правда, уже через неделю он убедился, что с моральными

принципами, несмотря на воспитание, в конце концов, придется расстаться. Особенно, после утренней лекции, прочитанной Дедом перед вступлением новичка в ряды «голодранцев» (так мысленно называл Егор обитателей трущобы).

Основными заработками жильцов подвала являлись – сезонная работа на «дядю», с возможностью вынести нечто для личного потребления, либо платой в натуре; дежурства на садовых участках, и сбор материалов «под сдачу». Работа кропотливая, но приносящая постоянный доход.

На материалах Дед остановился подробней. Металл, как в высшем обществе, так и здесь ценился особо. Но его трудно было достать. Зато в ход шло и нечто более простое и широко распространенное, второе по популярности, – к примеру, дерево и бумага, главным образом, картон. А еще стекло и пластиковая тара. График вывоза мусора в разных районах города был известен всем «работникам» наизусть. Его надлежало зазубрить и Егору.

Ну и для самых смелый оставался высший пилотаж... – заимствование чужого. Проще сказать – воровство. Промышляли по дачам, но иногда посещали и частный сектор самого города Сосновска (кроме Высокой горки, где жили «неприкасаемые»). Однако, чтобы «работать» там необходим был опыт. А Дед в наставники не годился, как сам признавал. Зато у него имелся знакомый в этой привилегированной сфере, мастер своего дела.

– И если ты проявишь способности – я замолвлю за тебя

словечко. – заверял старик, в то время как мальчик тайком стучал по деревянной столешнице.

Поскольку товарищ Деда, накануне варивший ужин, утром убежище покинул, отправившись в «командировку», тот, за не именем иного собеседника, почти весь день блистал необычайным красноречием, вводя Егора в курс дел.

Оказалось что в «ночлежке» периодически пережидали тяжелые времена самые разные постояльцы. Они все время менялись – приезжали, уезжали, мало кто задерживался больше, чем на неделю, и только Дед (Егор так называл его теперь) проживал на фабрике третий год, являясь неким старостой и смотрителем подвала.

Лет ему было под шестьдесят, примерно настолько же он и выглядел. Хотя точной даты не помнил, так как давно свои именины не справлял. Некогда владел какой-то технической специальностью, правда, на среднем уровне. В инженеры не вышел, но очень быстро заделывал любые неисправности в импровизированном жилище, вроде недавно разбитого окна. Изготовил даже электрическую плитку, но редко пользовался. Она пару раз горела по причине неустановленного технического же брака. Что подтверждало версию о среднем образовании.

Характер имел довольно мягкий, чем пользовались многочисленные знакомые и друзья по «работе». И вот из-за той самой «душевной мягкости и всепрощения», по его выражению, и оказался в итоге там, где жил сейчас. В подвале фаб-

ричного цеха.

– Я так полагаю, ты тоже задержишься! – безапелляционно констатировал Дед, – Поэтому назрела необходимость обучить тебя основам. Курс будет кратким. Трудовые будни не за горами. Но на первый раз я дам поблажку, скидку на твой юный возраст. Сам решай, что выберешь для заработка... Какое дело привлекает?

Однако, перечисленные им «дела», все без исключения, вызывали у Егора стойкую неприязнь и даже отвращение, что и выражалось на лице подростка.

– Ладно. Поставим на паузу... – решил, в конце концов, Дед, и предложил на первый случай «сотрудничество», совместный поход к «Дяде» за товаром. Надеяться, что это какой-то «родственный» обмен не приходилось, но и отказаться было нельзя, и Егор со страхом стал ожидать похода.

Во время трепетного ожидания у него возникла мысль, не показать ли «договор» новому другу. Возможно, в нем все-таки содержалась некая информация, которую он не приметил, и которая смогла бы оплатить Егорово проживание в подвале, а заодно избавить от «дел». Впрочем, существовала иная опасность, если бумаги действительно ценные – можно потерять их вслед за деньгами. Что помешает старику присвоить договор себе? А потом, за соответствующее вознаграждение передать «продавцу». Хотя, вряд ли... После падения мальчика наверняка тщательно обыскали, и выудили

все, что посчитали нужным...

До вечера Егор решал делу. Но близость похода подстегнула. Он осторожно покосился на Деда. Тот, недавно отужинав, находился в благодушном настроении и раскуривал у окна сигарету. Пожалуй, стоит попытаться, ведь с чего – то надо начинать. Он медленно вынул бумаги, расправил на коленях, встал и, подойдя к столу, выложил на столешницу, предварительно смахнув с нее крошки.

– Что это? – поинтересовался Дед.

– Документы... – тихо отозвался Егор, украдкой оглядываясь. – Очень важные. Возможно, здесь, в городе, у меня есть собственное жилье или даже целый дом! В таком случае, он избавит меня от ... квартплаты. Понимаешь? Взгляни...

Дед внимательно посмотрел на Егора, затем тоже подошел к столу и, подняв бумаги перед лицо, почти уткнувшись в них носом, стал читать. Егор ждал, закусив губу. Дед, кажется, заинтересовался. Он то отстранял договор, то приближал к глазам, листая. Прошло минут пять.

– Ну, что скажешь?! – не выдержал мальчик.

– Послушай, мне нужны очки!

Егор в удивлении разинул рот.

– Я уже лет пять ничего не читал, и зрение сильно упало.

Да и темно здесь.

Подросток издал хриплый отчаянный звук.

– погоди, я у окна попробую...

Прошло еще пять минут, показавшихся вечностью.

– Н-да, – протянул старик, наконец.

– Ты прочел? – нервно переспросил Егор.

– Прочел. – Дед уселся за стол.

– И что думаешь?

– Можно сказать, твои бумаги ухватили суть всех отечественных проблем.

Мальчик вытаращил глаза.

– В них нет ни начала, ни конца...

Егор с горьким вздохом опустился на стул напротив Деда:

– Я в курсе...

– Но одно могу сказать точно – речь в там идет не о доме.

– Как так?! – изумился подросток, забирая договор обратно.

– Где ты видел такой список перечисленных обязанностей и прав – два листа с гаком! Причем обязанностей весьма специфического характера. К примеру, сохранение объекта и его назначения в прежнем виде, обеспечение публичного доступа. Права голоса за продавцом. Он же – совладелец... Это что? – Дед уставился на мальчика. Тот в испуге замотал головой. Затем задумался, будто решаясь на сложную операцию. Запустил руку во внутренний карман и положил поверх бумаг отрывок из газеты.

– Концы у этого дела все-таки есть. И уходят они прямоком в город Сосновск. Договор был подписан именно здесь, поэтому я намерен остаться и усилить поиски.

– Поиски?

– Точно. Я хочу найти того, кто оставил на последнем листе свою замысловатую роспись... И не надо на меня так смотреть! Да, я ищу продавца... неизвестно чего! С пропиской в городе Сосновске. Я слушал разговоры людей, читал новости в местной прессе и мне кажется, что обнаружил нечто любопытное. – Егор разгладил газету. – В этой статье говорится о коммерсанте, владеющем одним популярным заведением. При этом имя не упоминают. Как-то странно, верно. Видимо, с ним приключилось что-то действительно скандальное. Плохая история... так как о хорошей в подобной газете не стали бы писать. Однако, что именно мне выяснить не удалось. А значит, нужна твоя помощь! Ты старейший житель Сосновска. Аксакал... Может, ты знаешь, кого и что имели в виду? О чем речь?..

– Популярное заведение – расплывчатое понятие. Вкусы у всех разные. Пивной завод, к примеру, весьма популярен. Базар пользуется ежедневным спросом у широкого круга жителей...

Дед вытащил откуда-то керосиновую лампу, зажег ее и пробежал глазами статью.

– Послушай, это издание, конечно, специализируется на сплетнях и глупостях, типа китайских грибов и голубиного помета...

– В статье говорится о другом...

– Правильно, и очень подозрительно. Каким образом, среди прочей шелухи, анекдотов и кроссвордов, могла затесать-

ся важная новость? – он повертел статью в руках. – Автор не указан. Но, под такими историями автографов не ставят. Она, верно, – заказная.

Старик немного помолчал.

– Увы, мне неизвестно, кого из наших коммерсантов имели в виду. Но все эти люди, в некотором смысле, небезопасны, и дел с ними лучше – не иметь! Бумаг не подписывать...

– Но договор-то – официальный, с нотариальной печатью! А значит и подпись реальная...

– И поди ее разбери... А что, собственно говоря, ты соби-рался предпринять? Искать продавца? Зачем? А если найдешь?

– Тогда многое прояснится. Когда у человека есть имя – у него есть и история, прошлое, настоящее. Враги, друзья, соседи... Тогда я и решу, что буду с ним делать...

– Или – он с тобой... Разве не страшно?

Егор слегка опешив: – Но мне терять уже нечего...

– Живому человеку всегда есть, что терять! – сурово парировал Дед. – Твои родители бывали в нашем городе?

– Отец, возможно, пару раз. – Егор наклонился ближе и доверительно зашептал. – Но теперь, как видишь, я остался одни и очень рассчитываю на твою помощь.

– Помощь? – тут опешил и собеседник.

– Я никому не могу сообщать свое имя и то, чем занимаюсь здесь...

– А ты пока еще ничем не занимался!! – возмутился вдруг

склочный старик. – Кто будет содержать тебя во время поисков? Кормить, поить, оплачивать постой. Нет уж! Ищи в свободное время, а завтра – примешься за настоящее «дело»!

Он с силой стукнул ладонью по столу, предупреждая возможное сопротивление и продолжение спора.

Глава 9

Партнеры

Ночью Егор почти не спал, крутясь на трубах. Ему было то жарко, то холодно. Холодно от мыслей о предстоящем деле, жарко от нагретого лежака. Фабрика была заброшенной, но под ней проходила теплотрасса, соединяющая оба района города, поэтому отопление в подвале не отключали. Трубы держали в рабочем состоянии, на случай, если в этом месте решат возводить новые дома. Зато вверху, в самом здании все радиаторы давно выпилили из стен. И Егор не сомневался, что руку к такому варварству приложили обитатели цокольного этажа.

Рано утром, с рассветом, то есть часу в восьмом, партнеры вышли из подвала. Чистый, морозный воздух быстро прояснил затуманенную недельным нахождением в закрытом пространстве голову. Егор жадно вдохнул его и... поперхнулся.

– Имей в виду, симулянтов у нас не жалуют! – сразу предупредил Дед (его имя, как и имя продавца неизвестного объекта, мальчику пока выяснить не удалось).

– Но ведь я болел...

– А тут нет здоровых.

– Отлично. Кстати, к твоему сведению, в подвале я надолго не задержусь...

– Все так говорят. – снова безжалостно припечатал подельник, любимой фразой обрывая малейший повод для дискуссий. – Вперед, мы должны успеть до открытия...

– Открытия чего?

«Уж не магазин ли они идут грабить?! – мелькнула в голове мальчика. Тот как раз начинал работу в восемь.

Но Дед не стал вдаваться в подробности. Вместе дошли до моста, перебрались на другой берег, туда, где у самой реки, сколько хватало глаз, тянулись бесконечные ряды кирпичных складов. Спустились к воде. Здесь, под одной из опор моста Дед оставил Егора на «шухере», как пояснил, а сам побрел дальше, по узкой дорожке, вилявшей между красных стен. Через минуту он скрылся из виду.

Егор нервно оглядывался по сторонам, переминаясь с ноги на ногу. Он никогда еще не стоял «на стреме», и кого должен был опасаться и сам не знал. Как раз в это же время на мосту началось интенсивное движение. Разумеется, ведь это была единственная транспортная нить, соединявшая обе части Сосновска. Жители спешили на работу или учебу из одного района в другой. Сверху загремели машины, грузовики. Загрохотал трамвай, искря проводами. Потянулись к открытию базара (примыкавшего непосредственно к складам) пен-

сионеры, и наконец, в девятом часу появились самые опасные для «караульного» персонажи – владельцы собак со своими питомцами.

Видимо, набережная являлась их излюбленным местом отдыха. Прогулки, судя по органическим следам, были интенсивными, а зона покрытия доходила до кустов, растущих метрах в двадцати от моста, за одной из подпорок которого и притаился мальчик.

Прошло более получаса. Рассвело окончательно. Егор начал дергаться, постоянно порываясь сбежать. Он с волнением представлял, как его и Деда хватают на «деле», травят собаками, волокут у всех на виду в кутузку...

«Кстати, – нервно думал мальчик, пытаясь занять себя, отвлечь от страшных образов, – почему она называется именно так? Имеет ли какое-то отношение к фамилии известного фельдмаршала, или тут что-то другое? А если имеет, то, какое...»

В прошлом году на уроках истории они проходили войну 1812 года. В уме сама собой возникла знаменитая картина: «Совет в Филях» – согбенный старик с золотыми эполетами задумчиво сидит у печки в кресле, в темном углу. Кутузов! Гонимый врагами до родного порога. Гнобимый согражданами герой...

«Посиди, подумай»... – ведь именно с этими словами запикивают всех арестантов в одноименное мрачное помещение! Во-всяком случае, в отечественных криминальных се-

риалах. И вот узники сидят и думают, принимая судьбоносные для себя решения.

– Ты что там заснул?! – послышался знакомый недовольный хрип.

Егор встрепенулся. На дорожке, меж кирпичных стен, появился старик. Он волок за собой нечто объемное. Мешок! И судя по весу – набитый чем-то очень тяжелым. У мальчика в ужасе расширились глаза. Да, если тут и вправду что-то пойдет не так, им придется долго «сидеть и думать». Но скорее, просто «сидеть». Ведь партнеров возьмут с поличным...

– Помоги мне. – крикнул Дед не таясь. – Да поживей, а то спину скрючит. Один не подниму...

– А что там?

– Капуста...

– Чего! – пуше прежнего перепугался Егор, почему-то мигом представив пачки денег.

– Ты – нормальный? – начал раздражаться Дед. – Это овощи! Столица... – тут он громко выругался. Но поскольку поносил город, а не мальчика, последний не стал спорить. Взглянул за другой конец, и они живо понесли мешок наверх. Егор успел разглядеть круглые очертания под холщевой тканью – это действительно были довольно крупные качены. Несли груз обратно не через мост, а по небольшому деревянному понтону, находившемуся ниже по течению, в самом узком месте реки. Наверное, маскируя таким хитрым способом отход.

Вторая ходка была уже вечером, когда стемнело. Все повторилось с точностью до минуты. Снова восемь («они уже закрылись!»). Снова Егор стоял в карауле под мостом. Снова те же собаки выгуливали тех же хозяев. И новый мешок...

Все запасы Дед хранил в смежном с входом в подвал закутке. Там было холодно, и продукты могли долго лежать. Войдя внутрь, Егор заметил множество ящичков, но не пустых, как в цехах, а заполненных банками, бутылками, пакетами с крупой.

– Откуда все это? – допытывался подросток. Но партнер, в отличие от него, не собирался открывать свои секреты.

– Что знают двое – то знают все! – отмахивался старик от Егора, как от назойливой мухи.

– Но я никому не скажу!

– Скажешь, если ОНИ припрут тебя к стенке, а потом надавят как следует...

– А такое возможно... – начал всерьез беспокоиться мальчик.

– А то – нет. – лаконично отвечал ворчун.

– А кто это – они?

– Не важно...

– Как же не важно?!..

– Меньше знаешь – крепче спишь!

– Но после твоих слов я вообще не засну!

– А я тебе ничего не говорил... Лучше, поставь кастрюлю на огонь – на улице стемнело!

Егор молча развел костер, вспоминая рассказ Деда о том, как он в первый год жизни в подвале, по неопытности, запалил огонь днем. Дым заметили, и однажды, вернувшись после отлучки, жилец обнаружил, что все окна и двери фабрики запаяны решетками.

– Слава Богу, металл был хорошего качества, мы сдали их в утиль по выгодной цене. Хватило на неделю! Но с тех пор я готовлю здесь только поздним вечером или ночью.

За мешками ходили два раза в неделю, в одни и те же дни, как Егор предполагал – к привозу свежего товара. Самого «Дядю», хозяина мешков, так и не встретили... «Пока!» – с содроганием думал мальчик. Но поскольку большого выбора жизнь на дне не сулила, он потихоньку втягивался в ее круговорот и перипетии.

Еще одной сомнительной статьей доходов стала торговля с/х продукцией. Причем не той, что Дед выносил для себя со складов. Для обывателей маленького городка у оборотистого старичка было припасено совсем другое...

Как известно, сентябрь и отчасти октябрь в средней полосе богаты на урожай плодовых. А яблоневые сады в частном секторе Сосновка в свое время были неким фетишем, они росли повсеместно, украшая тенистыми густыми кронами даже берега реки. Правда экологическая ситуация в городе давно изменилась не в пользу растениеводства, фруктовые деревья одичали. Зато способствовала появления боль-

шого числа бесхозных участков и, одновременно, тяги городского населения к «полезной» деревенской еде.

В выходные дни Дед расчесывал и приглаживал бороду, одевал шерстяную вязанную телогрейку, бережно хранимую для парадного случая, и превращался в типичного жителя «отдаленного села». Вдвоем с Егором они обшаривали берега вонючего ручья, что пересекал поселок по диагонали, и с мешком красивых, ярких, но совершенно не съедобных яблок, появлялись на базаре, занимая центральное место в ряду реальных дачников. Подросток изображал его внука

Надо заметить, Дед с щепетильностью прожженного торговца готовил продукцию к продаже. Он плевал на и без того серый платок и тщательно натирая им каждый фрукт до воскового блеска. После, рассыпал яблоки по ведрам из-под майонеза и зазывал покупателей «чистым» продуктом. Для дегустации же, обязательной при торге, использовались единичные экземпляры, из партии, вынесенной со складов для себя.

Иногда, ради смены образа, чтобы не «мелькать» в одном и том же, Дед облачался в другой жилет, с карманами, – убедительный аксессуар «делового человека». Пристраивался к пустующему грузовичку в центре городе, водитель которого был на обеде, и поднимал ценник. Здесь не было конкурентов и платили больше, чем на базаре. Ведь мало у кого, при взгляде на продавца, возникали сомнения во внегородском происхождении яблок и обычно к полудню они сбывали все,

что принесли, разжившись неплохими деньгами.

Торговали по-очереди. То Дед, то «внук». Однако, успех торговли в этом случае перекрывался его краткосрочностью. Некоторые искушенные покупатели могли вернуться на следующий день, но уже не за добавкой, а скорее для разборки по поводу расхождения в оценке качества товара. Желая, так сказать, углубить спор. Продолжить прения, зачастую переходящие в болезненные трения сторон. Тогда старик перемещался на... собачий рынок.

В подвале у него был как минимум еще один постоянный жилец. Правда, уже из мира животных. Под потолком, высоко у окна, была подвешена большая деревянная клетка. В ней обитала самая настоящая сорока. Пестрая, говорливая птица. Неизвестно, как давно она появилась у старика, но была совсем ручной. Иногда он выпускал ее, но всякий раз птица возвращалась обратно. Постоянный хороший прикорм сделал свое дело. Сорока не боялась людей, часто садилась на плечо к своему благодетелю, и громко о чем-то трещала, распутив длинный хвост. Занялся дрессурой Дед не просто так, дабы скоротать свободное время. У него был апробируемый вариант заработка на любителях живой природы.

Он приносил клетку на собачий рынок и предлагал сочувствующим «выпустить птичку за деньги». Частенько ее действительно «выкупали». Особенно, мамыши с детьми или продвинутые студентки. Сорока улетала вдаль, на глазах

счастливых освободителей, а уже к вечеру объявлялась в подвале, треща пуше прежнего, требуя поощрения и добавки.

Этот процесс мог быть бесконечным, не имеющим сезонного характера, если бы однажды Дед не наткнулся на ...самостийный патруль защитников природы. Экологов возмутила даже постановка вопроса – выкуп птицы за деньги. Возмутила настолько, что старик и сам едва не отгреб, причем, совершенно бесплатно, без какой бы то ни было компенсации. А вернувшись без «товара» и денег, искренне возмущался по поводу нравов, царивших в современном обществе:

– Что такое, в самом деле, готовы за птицу с потрохами съесть! Сорока им дороже живого человека! Просил-то копейки, и того пожалели! Куда мы катимся?!

Он долго горевал по поводу морального падения общества, особенно, когда понял, что сорока больше не вернется!

– Видимо, ее не выпустили, а пристроили в добрые руки. – предполагал подросток.

– Иными словами – просто украли!! – не унимался опытный старик. – Она была моей собственностью. Мы столько лет провели под этой крышей...

На календаре был конец октября. Сады за рекой, как и клетка, опустели. И мальчик тихо радовался избавлению от необходимости торговать.

Главной его обязанностью стало куда менее опасное дело – «макулатура». И тут уже Дед предоставил партнеру абсолютную инициативу и самостоятельность. Проще говоря, выгнал на улицу с разрядкой – сбора не менее 10 килограммов в день. По- началу у Егора и с этим «несложным дельцем» застопорилось. Бумага и картон в современном маркетинге почти не использовались – все заменили пластиком и целлофаном. А сильные октябрьские дожди, зарядившие в последнюю декаду месяца, портили даже те крохи, что можно было достать.

Егор дежурил у магазинов бытовой техники, в надежде застать привоз партии в картонной упаковке. Срывал объявления со столбов и заборов, пачками выносил бесплатные газеты с рекламных стендов. Вставал для этого спозаранку, чтобы успеть к открытию магазинов и опередить пенсионеров, основных читателей подобной прессы (благодаря вставкам с ТВ-программой). К тому же, в отсутствии денег, они являлись единственным доступным источником информации о жизни городка. И прежде чем сдать газеты в макулатуру, Егор тщательно, от корки до корки, прочитывал содержание, не пропуская ни одной статьи. Он все надеялся узнать хоть что-то новое о своем деле, ждал намека, искал вектор развития...

Дед с сомнениями следил за манипуляциями мальчика:
– Ничего у тебя не выйдет. Выбрось эту идею из головы.
– И с чем я тогда останусь! – Егор продолжал перелисты-

вать газеты. Через минуту он откидывал очередной номер в кучу к остальным и перевязывал тесемкой.

– Заноза!! Вижу, она плотно в тебя засела!... – удовлетворенно кричал Дед. – В любом случае, там ты ничего ценного не найдешь. Ведь газетенки-то дешевые. И потом, станут они писать о серьезных вещах. Баламутить народ. Тем более пенсионеров! Это же самая опасная для старого и небольшого города социальная группа. У них максимум активности и уйма свободного времени, при котелках, которые варят гораздо хуже, чем прежде. В общем, выдают один только пар... И свистят, потому что, прохудились. Подобные газеты как раз и призваны заделывать свищи! И, по возможности, самыми безобидными темами. Ерундой...

– Не такой уж ерундой. Вот, к примеру, описаны достоверные способы лечения грибка ногтей, запаха изо рта, перхоти... нестандартные методы избавления от геморроя... Кто бы мог подумать, что в нормальном обществе те же проблемы, что и у ... – Егор осекся под пронзительным взглядом товарища.

– Все познается в сравнении. – философски оборвал мальчика Дед. – Довязывай свой куль. Будем взвешивать...

Среди множества вещей в подсобке, к огромному удивлению Егора оказались и весы. Большие, чугунные, напольные, по всей видимости, для взвешивания тяжелых грузов. И скорее всего, вынесенные ранее все с тех же складов у реки. Их линейные измерения начинались с десяти кг. Поэтому, когда

стопка оказалась на весах, стрелка едва дрогнула, не дотянув и до первой отметки.

– Ну вот, снова недовес! Не набрал и десятка! Шагай на улицу и продолжай работу...

– Клянусь тебе, во всей округе на четыре квартала не осталось ни одной бумажки, кроме, может, трамвайных билетов и недокуренных бычков! – возмутился мальчик.

– Мне кажется, или я слышу недовольство?

– Да я скоро чеки начну воровать... из кошельков...

– Уверен, до такого ты не опустишься...

Егор вдруг громко выругался. Дед застыл.

– Это что же – бунт? Нахватался передовых идей, нестандартных методов... – он ткнул пальцем в газеты. – Я говорил – они крайне опасны. И вот одуванчик превратился в репей...

Егор уселся на трубу и скрестил руки, демонстрируя, что никакие уговоры не сдвинут его с места.

– Ладно. И так сойдет. – в конце концов уступил партнер. – Да, раньше и мы пользовались нестандартным образом мышления, – к примеру, методом «силикатного кирпича» для удвоения массы. Но теперь все уловки раскрыты...

– Вряд ли оно стоило большого умственного усилия?

– Не скажи... ведь много лет «бумажная отрасль» держалась на этом фокусе...

– И что же случилось?

– Иуда! Предатель! Змея, пригретая на груди... Завел свя-

зи, пошел вверх (как ты вот хочешь). Устроился приемщиком в ту самую контору, и быстренько всех сдал. Раскрыл секреты древнего мастерства, многие десятилетия хранившиеся в тайне. Обездолит людей, лишил профессии...

Егор хихикнул.

– Чувствую, и ты пойдешь тем же путем! – покачал головой старик.

– Не собираюсь я в эту контору! – обиделся мальчик.

– Да-а! Рано тебе еще познавать наши методы! И на складе я, пожалуй, как и прежде, управлюсь один, без сомнительных помощников ... Молодежь нынче вся с двойным дном!

– Очень рад! – Егор скорчил рожу и высунул язык.

Глава 10

Ноябрь

Дожди обрушились на холмы с новой силой. Пелена застилала вид на город. Бумажный бизнес, как и овощной, тоже имел определенный изъян и к концу октября совсем сошел на нет. Дед все реже покидал подвал. К нему заявили друзья, и старик дни напролет проводил в компании собутыльников.

Это время стало очень тяжелым для Егора. Подельник как будто забыл про него. Мальчик удалился на верхний этаж фабрики и сидел в своем бывшем убежище, глядя на серые, мутные очертания городского ландшафта. В животе урчало.

Вся закуска в подвале была ликвидирована. Ему пришлось перейти на ту самую капусту. Он ее варил, тушил, ел сырой и ждал одного, когда наступят морозы. Ноябрь был уже не за горами. А с ним и долгожданные холода.

Казалось, их ждали все – Егор, в разорванных ботинках, Дед, оставивший на постой алкашей, мечтавших о соляном бизнесе (уборке снега метлой и солью); промокшие вороны, сидевшие на многочисленных антеннах и проводах соседнего здания; люди, мелькавшие внизу в дождевиках и теплых куртках под куполами зонтов. Машины, поднимавшие колесами фонтаны грязной жижи. Сама природа, потерявшая любые цвета, кроме одного неприметного – серого.

Первый сигнал к перемене Егор узрел 31 октября – на рассвете свинцовые тучи, покрывавшие небо, вдруг приподнялись, и у горизонта мелькнула розовая полоса. Ночью дождь прекратился, температура начала быстро опускаться. А к десяти утра солнце ярко светило высоко над холмами. Оно словно разбрызгивало лучи по городу: улицы, крыши, машины – все сверкало неестественным блеском, отражая его. Такого сияния Егор не видел никогда, и только спустившись вниз и выглянув в переулок, понял отчего происходил этот эффект. Промоченный насквозь двухнедельными дождями Сосновск заледенел. Все поверхности покрывал тонкий слой льда. Дороги превратились в каток, и радостно искрились, встречая новых прохожих.

Гости, допив и доев припасы, наконец, исчезли. И Дед,

проснувшись в третьем часу дня, долго кряхтя и разминая конечности, решил выйти с затянувшихся осенних каникул. Он собирался приступить к новой, многообещающей работе, заняться иным материалом. Цветной металл – высший пилотаж в их бизнесе! Посторонних туда не пускали, конкуренция была жесточайшая – десять вакансий на один килограмм. «А значит, в среднем, десять пинков на метр с кепкой (как раз рост Егора)!» – заявлял подельник. Поэтому, он благородно взял опасный заработок на себя. Тщательно готовился и вышел ближе к вечеру, не озвучив ни маршрута, ни плана действий. Такая таинственность волновала Егора, и как оказалось, не напрасно.

К сожалению, его переход на новый уровень, во всех смыслах, завершился полным провалом. Дед сумел получить производственные травмы, откручивая пожарную лестницу со стены второго студенческого общежития «Колледжа экономики, статистики и права». Похоже, он заранее ее приглядел – ведь конструкция с точки зрения собирателя металлов была исключительно ценной.

Это, в некоторой степени, уголовное дело, как часто у нас бывает, имело и положительные стороны, что впоследствии отмечал пострадавший, оправдываясь. Во-первых, у них еще оставалось первое общежитие, а во-вторых, сама аварийная лестница давно находилась в аварийном состоянии, и в любой момент могла рухнуть вместе с привыкшими там курить будущими экономистами, статистами и правоведами. И хотя

та же сухая, расчетливая статистика говорила о переизбытке специалистов данного рода, гибель молодой образованной поросли гуманитариев стала бы гуманитарным бедствием как минимум для сосновского Колледжа, только в этом году перешедшего на платное обучение студентов, лишившись благосклонности властей.

Выбрав время между перекурами, Дед проверенным способом принялся за дело. Однако когда два из трех винтов титаническими усилиями были выкручены из стены, чугунная лестница рухнула на обидчика, пригвоздив его к земле, словно к позорному столбу. В таком постыдном виде он провел не менее полутора часов, пока вернувшееся сознание не подсказало, что пора уносить не лестницу, а ноги.

Впрочем, случайные свидетели настояли на посещении и осмотре у специалистов. Надо думать, в тот день врачи Сосновского травмпункта впервые зафиксировали падение человека не с лестницы, а с ... лестницей. Но от них он, все же, смог уйти... и теперь третий день лежал на трубах, охая, стая и периодически прося перевернуть себя то на один бок, то на другой. Егор приносил больному капустную похлебку, и ждал рецидива ...запоя.

На пятый день хвори в подвал заявились ... двое. Они разительно отличались от собратьев Деда по цеху, обычно ночующих на фабрике. Молодые, крепкие, упитанные сверх меры. Одетые в добротные спортивные костюмы и, несмот-

ря на нулевую температуру, замшевые дубленки с овчинными отворотами. Егор никогда не имел дел с подобными личностями, но не плохо представлял себе, кто они такие. Истинные хозяева местного подполья. Скорее всего, деньги за «предоставление убежища» перетекали в их объемистые карманы. Прошел месяц и покровители пришли за очередным платежом.

Разговор носил конструктивный характер. Конструкция подвала едва выдержала такой активный натиск. Были озвучены крайние сроки оплаты, или «...на фабрику наберут новых людей»... Поскольку Дед лежал на больничном и не собирался его закрывать, честь внесения аванса легла на хрупкие, неопытные плечи подростка. Даже сутки спустя после того краткого визита, мальчик ощущал тяжелое прикосновение огромных, натруженных лапищ на собственном теле.

Он принялся лихорадочно искать выход из создавшегося положения. Первое, что пришло в голову – сбежать. Уйти от проблемы в прямом смысле. Однако, куда? Где обосноваться, чем жить, – вопрос стоял не менее остро, чем то, как заработать. К тому же бросить старого, больного товарища, месяц опекавшего его (пусть и с расчетом), казалось совсем уж постыдным делом.

Егор перебирал возможные варианты заработка. Самым желанным была уборка снега и чистка машин. Но до сугробов, грубо говоря, было далеко. А чистить свои транспортные средства, ввиду неискоренимой грязи, мало кто спе-

шил. Общение и консультации с товарищами Деда по образу жизни, высказанные ими предложения, вызвали сомнение и омерзение. Сам же партнер упрямо хранил стоическое молчание по поводу своих источников и не хотел пускать мальчика на склады одного.

Егор долго настраивал себя к выходу в люди, призывая на помощь остатки мужества. Подготавливался морально. Ведь он почти перешел ту черту, что отделяла нормальных людей, от личностей, обитавших в трущобах. И знал, что хуже грубого слова может быть лишь презрительный взгляд. Однако, как не настраивайся, а привыкнуть к плохому трудно. Когда в пятом часу сумерки опустились на город, подросток, выбрался из «убежища» за добычей.

Опустив голову ниже, чтобы не встретиться с кем-нибудь взглядом, быстро зашагал к светящимся вдали торговым центрам.

Как заработать, на чем? Где взять деньги? – единственная мысль, постоянно крутившаяся в голове, быстро заглушила остальные. Он откинул в сторону стеснение и стыд, но и это не сразу помогло. Найти подработку в маленьком городе оказалось очень трудно. В бесплодных поисках подросток провел пару часов, обошел несколько кварталов. И только бродя по центральному району, наткнулся на акцию: «Лучший двор месяца», устроенную некоей партией в преддверии выборов. Принять участие мог любой житель района. Нужно

было убирать мусор, чинить скамейки, облагораживать территорию. К акции подключали и семьи с ... детьми. По окончании работ обещали раздачу подарков и призов. Егор мигом изъявил желание, представился жителем одного из многоквартирных домов и подключился.

Весь вечер мальчик вскапывал со всеми клумбы, сажал цветы (которые, в конце осени вряд ли дали бы всходы), разукрашивал резиновые покрышки в цвета партии, закрашивал непристойные надписи на стенах той же желтой краской, отчего они приобретали еще менее приличный вид. И ждал одного – раздачи подарков.

Однако, каково же было его разочарование, когда по окончании трудового подвига, подросток получил лишь грамоту от руководства партии и медаль. По-счастью, шоколадную. Но огорчение было слишком велико. Что с этим делать. Повесить на стену? Вряд ли благодарственная бумажка могла отпугнуть от подвала спортсменов, ожидавших наличного платежа. А натертые мозоли на руках зудели, и призывали съесть медаль тут же, не дразня ею больного товарища, нуждавшегося в деньгах, а не в сладком бонусе.

На обновленных лавках у соседнего подъезда сидели толстые домашние коты. Они словно нагревали их для хозяек, которые могли спуститься к своим обычным зрительским местам в любое время. Злобно поглядев на них, мальчик с неким необъяснимым наслаждением попытался дать пендаль самому крупному представителю дворовой знати. Тот ми-

гом ощерился и вцепился в ногу. Борьба продолжалась пару минут. После чего кот ретировался с лавки, но прихватил с собой, в качестве трофея вырванную (наконец) с корнем обувную стельку.

На следующий после «субботника» день Егор снова фла-нировал по дворам и переулкам. Неожиданно, на улице к нему сами подошли. Солидного вида гражданин за «фикси-рованную» плату предложил раздавать листовки с портрета-ми и программой кого-то из кандидатов в мэры горожанам.

Да, очевидно, выборная кампания выходила на финиш-ную черту, набирая обороты, и мальчик понадеялся кое-что с этого получить. Он с энтузиазмом принялся за дело и еще до обеда успел избавиться от большей части агитационно-го материала, повстречав уже знакомую ему компанию под-вальных алкашей. Те поощрили «труд», и пожелали озна-комиться с информацией, взяв половину стопки для своих скромных бытовых нужд.

Раздача шла на ура. Листовки разлетались как горячие пи-рожки. Ведь Егор использовал надежный способ распростра-нения: «три в одном», – вкладывал один агитационный эк-земпляр в другой и выдавал в одни руки. Затем попробовал ускорить процесс. Забегал в подъезды, разбрасывал по эта-жам. Умудрился отправить несколько штук в другой город, запихнув в уличную почту.

Все было удачно, пока мальчик не скрестился с оппози-

ционно настроенным ветераном, патрулировавшем с палочкой свой двор, и взявшим на себя обязанность охраны любых подступов к нему. Для начала он залпом выпустил несколько предупредительных ругательств, затем схватился за аксессуар. А, надо заметить, палочка в руках пенсионера это всегда грозное «оружие». Она не выстреливает «убийственными» заклинаниями или разноцветными лучами, но ее воздействие на любую часть тела может оказаться не менее разрушительным и зависит только от точности попадания и силы владельца. Этот выглядел довольно крепким, и Егор не стал искушать судьбу. Разбросав оставшиеся листовки веером по площадке, мальчик сбежал до того, как противник успел навести оружие на цель.

Не выполнив порученного до конца, он постеснялся явиться за обещанным гонораром. Весь вечер ему было неловко, но к ночи Егор вспомнил, что адреса, по которому производились выплаты, никто не давал. Муки совести сменились муками стыда и гневом. После чего, лично для себя, Егор решил впредь отказаться от участия в любых избирательных кампаниях и политикой не заниматься.

Понедельник и вторник он провел на ногах, обойдя рекордное количество дворов, но так и не наткнулся на что-нибудь стоящее. Вернулся в подвал, едва передвигая конечности. Уселся на лежак и задумался. Приходилось признать, что поиски еды и заработка крайне мешают и не как не спо-

собствуют другим (очень важным) поискам, которые он собирался осуществлять в провинциальном городке. Информации о таинственном совладельце «чего-то ценного» у него было не больше, чем в день, когда он оказался здесь, и дальнейшее не обещало никаких подвижек. Трудно читаемая и наполовину (он был в этом уверен) стертая в процессе хождения по мукам подпись составляли весь багаж знаний. И тот факт, что он до сих пор бегал «налегке» не приносил не малейшего облегчения.

Егор даже не мог быть до конца уверенным в том, что этот человек вообще существует. А новую информацию получить было абсолютно негде. Круг общения подростка ограничивался не столько количеством, сколько качеством знакомых, интересы которых редко выходили за рамки междворовых интриг и дешевых уличных радостей.

Егор натужно зевнул, поглядел на неподвижный силуэт в другом углу и улегся на трубы.

Глава 11

Петарда

Минуло три дня. Срок платы приближался. Денег все не было, а запасы еды подходили к концу. Коробки давно опустели, из мешков выколупывали остатки кочанов, в ход шли и пожухлые капустные листья. Но, несмотря на болезненное состояние, ежедневно ухудшавшееся отсутствием разнооб-

разия в рационе, Дед не желал выдавать тайника. Того волшебного места самообслуживания, из которого извлекался драгоценный товар. Это был неприкосновенный запас – н/з – как называл его смотритель подвала, и кичился тем, что прибегал к нему в крайних случаях. Егор справедливо вопрошал, а не дошли ли они уже сейчас до того края. Хотя, судя по первоначальному виду кладовки, и раньше такие случаи были совсем не редки. Но старый упрямец, темные стороны натуры которого обострились как раз в последнее время, лежа на самых горячих трубах подвала, не шел на уступки, требуя от Егора утроить усилия.

– Я не вижу в тебе энтузиазма, голодного блеска в глазах, – уверял он с высоты своего положения, – ставящего цель, подсказывающего средства и пути решения!

– Естественно! Тем более, что «путь» – известен лишь тебе! – возмущался мальчик, представляя узкий проход между кирпичными стенами (дальше шел путанный лабиринт из ходов и закоулков).

– Я уверен, ты что нибудь обязательно найдешь. На голодный желудок всегда лучше думается... – не унимался подельник.

– Да, но только – о еде! Я считал – мы компаньоны, товарищи! Ты обещал ввести меня в курс дел!

– Не все наши дела под силу подросткам твоего возраста. И потом, вспомни мое предостережение насчет определенного рода деятельности. Может быть, я молчу, дабы не на-

вредить тебе... Оберегаю!

– Но если твое молчание затянется – навредят уже нам обоим! Отсрочка истекает через два дня!! Чем платить будем?

Дед заворочался, тяжело вздыхая:

– Да, ситуация патовая... И тут я вижу одно...

– Что именно? – начал сердиться Егор.

– Что ученик никогда не превзойдет учителя.

На этой, слишком явно уязвляющей самолюбие подростка фразе, Егор вскочил на ноги и вылетел из подвала, громко захлопнув дверь, как делают в тех случаях, когда очевидно более слабая личность дает понять, что вернется (под гнет сильной) не скоро.

Но куда податься. Снова переехать на верхний этаж. Можно, но – холодно, и по-прежнему голодно. Беглец остановился на лестнице. Где-то рядом, во дворах соседних домов, что-то громко хлопнуло, раздался свист, затем все стихло. Егор выглянул наружу. Из рта шел пар. Он запахнул пальто плотнее, и засеменил по ледяному тротуару в сторону железнодорожного перегона. Это скользкое занятие на время развлекло мальчика. Он немного повеселел, насколько было возможно в его положении, припомнив, как последний раз, год назад, ходил с друзьями на каток. Жаль, что нельзя было обратиться к помощи знакомых. Егор несколько не сомневался, что как только он даст о себе знать, родственники тут же предпримут все усилия, чтобы упрятать племянника в

место, откуда точно никогда не выберешься, недокричишься, недозовешься о помощи.

Мальчик плавно скользил по зеркальному асфальту, пытаясь ногами выделять те же движения и трюки, что удавались ему на коньках. К новому сезону Егор собирался приобрести беговые ботинки, и состязаться на них с дружкой из параллельного класса, счастливым обладателем таких лезвий уже прошлой зимой, уверенно обгонявших его на всех длинных дистанциях и крутых поворотах.

Мальчику вдруг нестерпимо захотелось оказаться рядом с приятелями и беззаботно веселиться, как прежде. Он замечтался, и будто в подтверждение своих желаний заметил группу подростков, его ровесников, в количестве трех человек, оживленно переговаривающуюся под мостом виадукта.

Они сидели на корточках, касаясь друг друга головами, и что-то чертили на земле. Егор наблюдал за ними из-за угла дома, не решаясь показаться. Подростки живо перешептывались. Их разговор временами прерывался взрывами хохота. Но вот они поднялись и начали быстро удаляться.

Место, где сидела компания, утопало во мраке, свет фонарей туда не проникал, и тем не менее, Егор увидел какой-то предмет небольшой квадратной формы. Он заинтриговал его. Некоторое время беглец выжидал, не вернуться ли мальчишки обратно, оглядываясь. Предмет манил его к себе. А что, если там что-то ценное... Ценное, в плане утилизации, обмена на материальный товар... Егор мелкими шаж-

ками продвинулся ближе к перегону. Предмет лежал на месте. Ни шороха, ни чьих – то голосов не было слышно. Тогда он стрелой проскочил под мост, и склонился над ним, почти так же, как компания подростков до этого. В тот же момент раздался странный звук – будто далекий тонкий гудок поезда. Он стремительно нарастал, превращаясь в знакомый свист. Потом нечто гроыхнуло, и ярчайшая вспышка ослепила и обожгла мальчика...

Он столько раз видел это в заграничных фильмах: героя очень медленно и красиво откидывало назад мощной волной. Благодаря отличной оптике видеокамеры зрители могли разглядеть, как развиваются локоны, рассыпаются веером брызги пота, частицы пыли и струи горячего воздуха бороздят складки одежды эквилибриста (в тех редких случаях, когда она на нем была). Чаще переливалась загорелая мускулатура. А лицо при этом не выражало ни тени эмоции, страха, напряжения, либо болезненной судороги, от неминуемого столкновения с землей.

Егор не знал, что выражало его лицо в момент толчка и то, летел ли он красиво, но, что очень быстро – совершенно точно. Мальчик не успел еще ничего понять и осознать, как его физиономия столкнулась с гравием на железнодорожной насыпи, впечатавшись в колючую, словно наждачная бумага, грязь.

Первое время он ничего не видел и не слышал, затем на-

чал разбирать отдельные звуки – хлопки и монотонный стук. Казалось, стучало в голове, кровь пульсировала в жилах, венах. Он чувствовал, что вспышки продолжаются. Попытался прижать руки к лицу, но тут же вскрикнул от боли, и открыл глаза. Лицо горело при малейшем прикосновении к нему, челки надо лбом не было. Вместо нее он ощутил сухой, словно сено, обгоревший клочок слипшихся волос.

Наверху, по насыпи шел поезд. Монотонный стук производили его колеса, а вспышки света исходили от огней, мелькавших в окнах купейных вагонов.

Егор с трудом поднялся на ноги. Он был дезориентирован, не мог понять, в какой стороне находилась фабрика, откуда он пришел. Левый глаз заволокло туманом. Правый слезился, то ли от гари и пороха, то ли от истерики, которая начала накатывать на него. Путь назад занял гораздо больше времени. Теперь Егор не скользил, а шаркал ногами. По дороге он умудрился упасть пару раз, после чего тихая истерика переросла в буйную, с самыми настоящими слезами и рыданиями в голос. Он не мог остановиться и тогда, когда соленые слезы стали обжигать щеки на холодном ветру. Боль и обида раздирали нутро, жгли душу.

Наверное, Дед услышал его плач задолго до того, как Егор убежал в подвал. С улицы. Потому что первое, что мальчик увидел одним глазом, было испуганное бородатое лицо. И неизвестно, что напугало подельника больше – плач мальчика или его вид. Дед даже впервые с момента падения «с лест-

ницей», привстал со своего ложа.

В тепле боль, а с ней и рыдания, усилились. Егор, не замечая присутствия в подвале постороннего человека (у старика снова были гости), с разбега запрыгнул на трубы в самом дальнем конце, и уткнулся лицом в угол. Дед его о чем-то спрашивал, но мальчик продолжал хныкать, прильнув обожженной щекой к холодной стене. Шум в ушах нарастал. Через мгновение Егор провалился в густой, пахнущий порохом мрак.

Колючие кусты, обрамляющие периметр вокруг коттеджа на Высокой горке раскачивались на ветру. В окне кабинета, выходящего в сад, горел слабый свет. Значит, включен был ночник, либо одинокий светильник в глубине комнаты. Внутри сейчас никого не было. Кабинет пустовал. Зато на столе лежал новый вскрытый конверт. И хотя хозяева отсутствовали дома, можно было не сомневаться, они успели прочесть и это послание – скомканный лист с текстом смутно белел на самом дне мусорной корзины.

Контузия от взрыва петарды, ее степень и последствия, мучили Егора весь следующий день.

– Хорошо, что это оказалось единичная «пукалка», а не полноценный салют в двенадцать залпов. – рассуждал Дед, пытаясь приободрить раненого.

Последний лежал, покрытый все теми же капустными ли-

стами, и ждал, когда воспаление от ожога пройдет. Левый глаз только-только начал различать очертания. Правый продолжал слезиться. Теперь и Егор принял на себя роль страждущего молчуна, и не отзывался ни на одно доброе слово.

– Надеюсь, ты зайкой не стал? Такое часто бывает... – пытался подцепить его старый товарищ.

Молчание.

– А может – оглох?!

– Тогда бы я тебе точно не ответил! – прозвучало из капусты. – Станный вопрос!

– Зато действенный, как видишь... – обрадовался Дед.

– В отличие от этих листов... – мальчик отлепил от щеки «компресс». – А кто вчера был здесь? Я не рассмотрел.

– Один знакомый. Забирал вещи, что хранил у меня...

Егор встал с труб, подошел к окну и попытался рассмотреть свое отражение. То ли стекло было мутным, то ли ожог более глубоким, но то, что он увидел, ему совсем не понравилось.

– Ну вот, сначала потрепанное чужое пальто, затем разорванные кроссовки. Непонятные документы, жизнь в подвале! А теперь, вдобавок – это! – горестно воскликнул мальчик. – Что за напасть! Этот взрыв едва не перечеркнул все мои планы! – он снова посмотрел на себя, осторожно пощупав пальцами кожу.

– Темная полоса? – вставил поделщик.

В самом деле, ожог наискось перечеркивал лицо, из крас-

ного за одну ночь превратившись в бурый. А обгоревшие волосы услужливо открывали его для всеобщего обозрения.

– И это говорит человек, совсем недавно лишивший себя возможности передвигаться... – злобно заметил Егор.

– Ничего страшного. Я уже достиг планки, после которой любые движения, становятся падением вниз.

– Что ты наглядно и доказал с той лестницей... Хотя, мне казалось – мы уже на дне!

– Дно, кстати, тоже поверхность, о которую можно опереться... Поэтому, я не дергаюсь, лежу спокойно...

– А что тебе еще делать...

– Мне – ничего, а вот тебе – есть что!

Мальчик вопросительно взглянул на Деда.

– Завтра истекает срок платежа. А мы на мели. Рабочих рук осталось лишь две, и обе – твои...

– Я не могу выйти на улицу с распухшим лицом!

– Брось, у нас и не с такими ходят... некоторые. И, между прочим, умело пользуются недостатками, иногда нарочно «усиливая» их степень с помощью специальных средств...

– Интересно, это каких же? Кулак надежного товарища? Дружеский пендаль, лишняя поллитра...

– А если учесть, что в городе много стареющих женщин и целых два монастыря, можно делать не плохую кассу.

– Я не стану попрошайничать! – Егор догадался, о чем говорил партнер. Его возмущению не было предела.

– Не руби на корню. Рассмотрю варианты...

– Нет!! – припечатал мальчик.

Раздался скрип и подельник уселся на лежанке, тяжело опираясь о больные колени руками.

– Ладно. Видимо, пришла пора. Я долго обдумывал нашу ситуацию. Правильно говорят в «заразе», – новые вызовы вынуждают принимать «нестандартные решения»... И я их принял!

– Неужели?

– Подай мне ту газету со стола и карандаш.

Егор исполнил его просьбу, с интересом и волнением ожидая дальнейшего. И не прогадал. Старый хитрец пошел на уступку, неожиданно заявив, что настала пора откупорить «кубышку», которую он столь тщательно оберегал и закупоривал. Дед долго рисовал на странице план складов, пунктирными линиями обозначая путь, который приведет Егора к вожаемым запасам, одновременно давая пояснения:

– Когда войдешь внутрь – осмотрись. Не оставь следов, там где пыльно. Скорее всего – в тех местах залежалый, бросовый товар: книги, тетради, географические карты, учебные пособия и прочая канцелярия... Иди к стеллажам с выпивкой. Они обновляются регулярно. Рядом с ними постоянное движение, все протерто до медного блеска, а деревянный пол – до гвоздей. Возьмешь лишь то, что я укажу тебе в списке. Он прилагается к плану. Если тронешь что-то другое, или в большем количестве, последствия могут оказаться непредсказуемыми.

– Кубышку закупорят насовсем?

– Или расставят мышеловки, на более крупного ... грызуна.

Целый час Егор изучал план, чувствуя прилив адреналина. От возбуждения и страха его трясло. Когда стемнело, вышел на улицу под благословение старика. Быстро проскочил переезд, выбрался к мосту, бросив взгляд на светящийся слева вокзал. Часы показывали половину девятого. Вовремя. Постоял немного на своем привычном месте, под опорами, наблюдая за бегущими вверху машинами и трамваем.

Опасное приключение одновременно и радовало, и пугало беглеца. Попасться на воровстве было бы катастрофой. Впрочем, за прошедший месяц они ни разу не испытали трудностей, посещения складов оканчивались благополучно. Возможно, Дед нагонял страху намеренно. Желая отпугнуть конкурентов от кормушки. Нельзя было исключать подобного расклада. Более того, именно так про себя Егор и думал, все чаще злясь на старика. Мальчик тайно возмущался – как можно, имея под рукой «жирный пирог», довольствоваться черствыми крохами. В конце концов, и пирог зачерствеет. Либо, его съест кто-то другой. И был в этом прав.

Не последнюю роль в уступчивости Деда сыграла статья в недавней «Занозе». Ее Егор регулярно читал. В придверии выборов городской актив становился несговорчивым и брезгливым. От будущего Главы, неожиданно, потребовали

убрать базар из центра города ввиду его неэстетичности и малой культурной значимости. Как объект, где обитают маргиналы, сомнительные личности, и постоянно нарушаются санитарные нормы.

Убрать базар, значило уничтожить и прилежавшие к нему склады. Которые, к тому же, выходили на набережную, и как писала газета «добавляли красок реке и ароматов воздуху». И вот когда угроза лишиться «пирога» стала реальной и прозвучала не из уст Егора, а со страниц передового издания, Дед рассекретил тайник.

Егор простоял под мостом минут двадцать. Со стороны складов не доносилось ни звука. Все покинули его. Рабочий день закончился. А значит, для Егора он начинался. Подросток вынул лист с планом и побрел по дорожке между красных кирпичей.

Глава 12

В пещере икорного короля

В подвале, с пояснениями Деда, план выглядел предельно простым и ясным. Однако, прибыв на место, в темноте, Егор понял, что добраться до цели ему будет гораздо труднее, чем он полагал изначально. Складские помещения на бумаге заняли четверть страницы, на деле же раскинулись на пару десятков гектар. Бесконечные крыши, покрытые железом и ши-

фером, уходили вдаль. Зажигать спички, коробок с которыми он постоянно носил при себе, подельник строго запретил. Влезть на крышу, чтобы увидеть дорогу сверху, тоже было опасно. Его могли не только заметить, но и услышать – железо, как и шифер, увы, являлись отличными проводниками звуков. Приходилось выяснять направление опытным путем.

Егор долго кружил по закоулкам, попадал в тупики, возвращался к исходным позициям. Наконец, минут через сорок добрался до стены, где вентиляционная вытяжка холодильного оборудования выходила наружу. Несколько кирпичей вокруг нее были уложены немного криво. Егор подергал один – тот свободно двигался в своей ячейке. Вот оно, то место! Мальчик принялся по-очереди, предельно аккуратно, чтобы не расколоть, вынимать их из стены. Над трубой появился просвет. Он стал расширяться, и теперь, ползком вполне можно было пробраться внутрь, что подросток и проделал.

На складе оказалось прохладно, хотя и не так холодно, как на улице... и довольно светло. Где-то под потолком мигала небольшая лампочка (может – сигнализация, или аварийный выход). Пахло сыростью и пылью. Ни малейшего съедобного аромата, что с первых же секунд поразило Егора. Он огляделся. Ряды коробок, ящиков, мешков составляли своеобразные коридоры и стеллажи, напоминая их школьную библиотеку. Но тут на полках лежали совсем иные предметы. Лежал товар. Хозяйственный и продуктовый.

Многие продукты сложно было опознать. Упаковки не позволяли разглядеть содержимое, учуять запах. Сверху обозначались исключительно цифры с датой и сроком хранения. Некоторые были с надписями на иностранном языке, характеризовавшими вещь, но так же не добавлявшими о ней знаний.

Но вот ближе к центру помещения блеснуло стекло – бутылки с подсолнечным маслом, кофе, соки, разнообразные чаи. Даже коробки с конфетами. Такого ассортимента, его разнообразия, мальчик никогда не видел. Глаза разбегались, а язык начал утопать в голодной слюне. Ему открылась настоящая сокровищница, и он стал владельцем всего этого богатства. Кто сможет его остановить? Егор прислушался – тишина. Только на стене все мигал и издавал слабое гудение счетчик регулятора температуры.

Несмотря на предупреждение, подросток за долю секунды успел составить свой предварительный список желанного товара, разглядывая стеллажи. Там, за стеклами дутых банок, в янтарном масле плавали анчоусы, помидоры черри, корнишоны, грибы любых мастей. Рядом висели копченые колбасы, салями, сервелаты, некоторые словно в белом инее, и Егор знал – это главный и очень дорогой ингредиент, знак качества.

Круглые сыры громоздились на полках, а в специальных камерах-витринах пирамидками был уложен маленький, но самый ценный товар – баночки с красной икрой. Все сорта.

Они лежали там, как в музее, застыв в ожидании новогоднего стола. Именно тут гудел регулятор. Мальчик с ухмылкой провел пальцем по карбоновой поверхности холодильной камеры – не все из них дождутся боя курантов, это точно... Впервые за долгие месяцы Егор видел эти деликатесы. У него закружилась голова, и вопреки своему обещанию, он захотел съесть все и сразу.

Впрочем, перед этим надо было вернуться к списку, и выполнить поручение старика. Мальчик сверился – насколько жалкие потребности у его компаньона! Он покачал головой, но все же принялся набирать в принесенный с собой пакет определенный Дедом ассортимент. Затем, решил Егор, он займется удовлетворением собственных потребностей.

В поисках нужного товара, добрался до лестницы, ведущей на антресоли. Там сгрузили что-то красочное, и судя по свежему запаху краски – недавно сошедшее с конвейера. Он поднялся наверх и... обомлел. Коллекция новогодних товаров, припрятанных до праздничной поры! Искусственные ели, игрушки, разноцветные шары и – в глазах заискрилось, – ряды с шампанским, обвитым блестящей мишурой. Он забыл об икре и с радостным воплем склонился над первым ящиком...

Неожиданно, снизу донесся металлический звук. Лязгнули запоры на железных воротах. В хранилище стало ярче. Послышались голоса, шаги. Кто-то приближался. Егор в страхе попятился назад и скрылся за самой большой искус-

ственной елью. Неужели его выследили, заметили?! А может тут установлено видеонаблюдение. Но Дед ничего не говорил о нем! Хочет намеренно сдать компаньона – «лишний рот не по зубам»... Но зачем! Вряд ли. Затаив дыхание, он стал слушать.

Голоса усилились, шаги раздавались уже в соседнем помещении и вот в зал вошли трое. Егор скрючился, стараясь не шевелиться. Похоже, к нему появление этих людей не имело никакого отношения. Они говорили негромко, словно обсуждая нечто интересное. Мальчик выглянул из-за сосны. Отсюда трудно было разобрать лица. Незнакомцы были в уличной одежде, в свете неярких ламп виднелись лишь их силуэты. Они остановились возле большого чана. Егор напряг слух.

Пару минут прошло в молчании, затем скрипнула деревянная ручка.

– Там что-то булькает? – послышался странный вопрос.

– Конечно, ведь это – живое пиво! – с достоинством ответили на него (видимо, хозяин товара). Отлично, значит двое других – покупатели. У мальчика отлегло от сердца.

– Однако, я надеюсь, что никакой «живности» в нем нет...

– Разумеется, в состав входят четыре вида солода (не скажу какого солода – коммерческая тайна), – хихикнул продавец, – ... прошедших три степени очистки, заквашенных на бактериях...

– Вот тут поподробнее. – произнесли шелестящим голо-

сом.

– На очень полезных бактериях... С добавлением плесневых грибков...

– Что-о?!

– Эта плесень пять веков произрастает в подвалах знаменитого монастыря в Баварии... Она (плесень), буквально впитала в себя историю тех стен!

– Звучит не слишком аппетитно. К тому же, в наших подвалах тоже кое-что растет, в том числе и плесень. Но, ни кому и в голову не приходило, поставить ее на поток... Пивной.

– Это не та плесень.

– Разве?

– Монахи культивировали сорта, выбирая лучшие для закваски!

– С трудом представляю себе процесс.

– А сейчас этим занимаются только высококвалифицированные люди...

– Я в еще большем затруднении...

– Два года подряд это пиво получало высокие оценки на международных выставках, а мы являемся крупнейшими поставщиками на местный рынок... – продавец начал торопиться, видя, как покупатель понемногу теряет интерес.

– Ну, хорошо... – наконец, согласился тот.

Егор знал, международные оценки – всегда решающий довод для жителей таких небольших, но имеющих особое мне-

ние и исторический взгляд городов.

Они продвинулись дальше. Один из людей что-то отмечал на бумаге. Шел торг. Вот покупатели подошли к следующим полкам. До Егора все еще долетали обрывки беседы, которая велась в полголоса:

– ... вкус водного извлечения... аромат..., приятное послевкусие...

– Словно аннотация к запрещенным препаратам... – шелестел несговорчивый покупатель. Егор нахмурился, все -таки странный у него голос, хоть и тихий. Акцент, что ли?

– Чистый «наркотик»! – усмехнулся третий, тот, что был выше остальных.

– Осталось три партии, четвертую припрятал для собственных нужд! – вроде, и хвастаясь, и дразня упрямых покупателей, сообщал продавец.

– Отлично. Заливай!

Внизу что-то закипело, забурило, после наступила продолжительная тишина...

Трое уселись у тумбочки перед электрическим стеклянным чайником, который начал закипать. Наверняка, его включили заранее. Продавец положил туда нечто сыпучее. С полминуты ничего не происходило. Все с любопытством смотрели на плавающий в потоке бурлящей воды свернутый лист, будто на аттракцион фокусника, магическое действо. Но вот лист начал раскрываться и превращаться в затей-

ливый экзотический цветок. Лепестки растения полностью распахнулись и... из него выплыла какая-то многоножка.

– М – да! – протянул покупатель, отстраняясь от чайника. – Я возьму партию, но мне нужен ... действительно «чистый товар».

Он встал и вышел из-за стеллажей. Продавец в некотором конфузе следовал за ним.

– А вот финские хлопья. – схватился он за коробку, как за соломинку. – Не нужно? Я знаю твою любовь ко всему полезному... Импортному. Они, кстати, отобраны из лучших сортов прямо с тамошних органических... экологических полей...

– Опять у финнов что-то «отобрали»! – позволил себе посмеяться высокий, но первый одним взглядом оборвал зарождающийся смех.

– Из тебя сегодня так и плещет остроумие. Это тоже полселевкие? Не могу только понять, после чего... Лучше пойд и забери «опытные образцы».

Он повернулся к продавцу.

– И не забудь об этом. – человек в капюшоне достал какую-то бумагу. – Оставляю у тебя свой заказ. Помни, мне нужен «киллер, и еще до декабря!!

– Можешь не волноваться. Рванет так, что весь город услышит! – успокоил его очередной крайне странной фразой продавец.

Голоса стали удаляться, затем стихли. Яркий свет в поме-

щении погас.

Егор сидел за елью с широко раскрытыми глазами. Что это за разговор? Что они обсуждали: зелье, чистый товар, рванет?! Немыслимо было слышать подобные откровения среди консервов, колбас и сыров. Хотя... возможно, они таким шифром удачно маскировали свои криминальные занятия? На ум пришли слова Деда о том, что многие коммерсанты в этом городе – личности мутные, нечистые на руку, и даже он, не чистый на все остальное тело, не хотел бы иметь с ними дел.

Егор встрепенулся – сколько времени прошло? Из-за внезапного визита, он сильно задержался. Стараясь не производить ни звука, спустился вниз, и начал вспоминать, в какой стороне находился «выход».

Он был напуган, но тем не менее не смог отказать себе в удовлетворении любопытства, которое распирало его с самого начала беседы торговцев. Пригнувшись, чтобы не было видно и макушки, пробежал за ящиками к месту, где трое разглядывали «товар».

Наверное, они предусмотрительно успели убрать все противозаконные следы своего пребывания на складе. Кроме вскрытой пачки с китайским чаем и пустого электрического чайника, Егор ничего не обнаружил. Он постучал по коробкам, стоящим рядом, но все они были плотно закрыты и опломбированы – ясно, что их не трогали.

«Вряд ли речь шла о китайском бодрящем (но не настоль-ко) напитке?» – нахмурившись, соображал Егор.

Повертел в руках чайник – капли сползали по стеклу к спирали, но внутри тот был также идеально чист. Егор попытался принюхаться – ни малейшего сомнительного аромата. С другой стороны, откуда ему знать, как пахнет то, о чем они говорили... Подросток с сожалением вздохнул, развернулся, намериваясь покинуть опасную зону. Но проходя мимо кассового аппарата, неизвестно для чего стоящего здесь, остановился. Хотя он забрался на склад за едой, а не за деньгами, накаченные люди с бритыми головами и мысль о том, что завтра они явятся за авансом, заставила его позабыть последний стыд.

На кассе лежала барсетка и файл с квитанциями. Осмотрев сумку, Егор нашел в ней лишь чеки и кредитные карты, которые без пин-кода представляли собой обычный мусор. Да и воспользоваться ими, находясь на нелегальном положении, было бы крайне глупо. Тогда он взялся за счетную машинку. Нащупал клавишу сверху и надавил. Не сработало. Егор склонился над аппаратом в поисках нужной кнопки. Правда, быстро осознал, что подобные вещи обычно запираются на ключ. Особенно, если внутри них деньги. И ключ этот, скорее всего, в кармане у продавца «бурлящего пива». Мальчик с сожалением стукнул по кассе кулаком.

Звук удара разнесся эхом под низким потолком, и напомнил беглецу, что он на складе нелегально и в любой момент

может быть пойман. Егор в последний раз кинул взгляд на «хранилище денег», а не вынести ли его вместе с консервами в пакете? Вдвоем с партнером они какнибудь разберутся с неподатливым механизмом... Но тут же отбросил преступную мысль – исчезновение денег, да еще и вместе со счетным аппаратом, точно заметят, в отличие от двух банок огурцов. И тогда «мышеловки» им определенно обеспечены.

Егор повернулся, сделал два шага, но что-то вновь заставило его оглянуться. На полу под кассой белел угол квадрата. Егор наклонился, осторожно заглянул под машинку и... остолбенел. Прежний холод буквально сковал его. Ужас накатила волной, ударив в голову. На миг непроглядная пелена страха заволокла глаза. Мальчик с трудом сохранил равновесие и не выронил то, что держал в руках.

Это была цветная фотография. Ему и доли секунды хватило, чтобы узнать ее и того, кто на ней запечатлен. Его школьное фото! Совершенно новое, свежее, можно сказать, как и баночка икры в кармане – сентябрьский улов! Снимок сделали на Дне знаний, в начале этого учебного года. Он не хотел позировать с группой, но играл роль прилежного ученика и адекватного подопечного детского реабилитационного центра... Узнал Егор и свой дутик, уже тогда не греющий его тело.

Что делает здесь эта фотография?! Неужели его ищут в Сосновске? Стало быть, появление наследника и совладельца неизвестно чего, далеко не тайна для местных посвящен-

ных. Еще неделю назад ему так хотелось найти человека, подпись которого стояла на злосчастном договоре, а теперь выходило, что желание это было как минимум обоюдным... «Они были в приюте», «они достали фотографию», «они знают – что он в бегах»! И ... «они ждут»!

Егор медленно поднялся, и на ватных ногах пошел к выходу. Для чего его ищут? Во благо или во вред ему подобный интерес?! Но, слова и фразы из разговора, долетавшие до него были предельно ясны и говорили о том, что подростку стоит не только опасаться этих людей, но и бежать из городка как можно дальше – «киллер нужен еще до декабря»!

Мальчик тихо застонал, сел на ящик с пивом и обхватил голову руками. Так прошло минут пять. Через какое-то время его глаза вдруг вновь засверкали, на лице отразилось упрямство. Он вскочил на ноги, кинулся в угол с кассой и, вырвав из-под тумбочки фотографию, помчался к вытяжке.

Уже оказавшись рядом с ней, Егор краем глаза уловил встречное движение, кто-то лез на склад снаружи, и едва не свалился с вентиляционной трубы. Что за фокусы – кто мог раскрыть «тайный путь»? Мальчик на мгновение застыл, но тут же выдохнул.

Сверху, у щели мелькнула шустрая тень. Она бесшумно проскочила по трубе, и исчезла за соседней секцией. Егор ждал, вглядывался, и вот из-за коробки с новогодней мишурой выглянуло пушистое существо. Он не сразу понял, что это – кот. Сперва, в полумраке, блеснули круглые глаза. Та-

ких Егор еще не видел! Огромные, ярко-голубые, и ... совершенно раскосые. Точнее косил один глаз – левый, черный зрачок плавал буквально у широкого розового носа сиамского кота.

Правый находился ближе к середине, но все равно до центра ему было далеко. Зрелище выглядело пугающим, но если привыкнуть – скорее комичным. Впрочем, не для мелких грызунов. С таким котом хозяину складов ловушки действительно не нужны. С другой стороны, становилось понятно, почему породистый кот оказался на улице и промышлял охотой на товарных хищников.

Кот тоже долго разглядывал мальчика. Казалось, ему стоило большого труда сфокусироваться на одном предмете. Но когда улыбка появилась на лице подростка, животное гордо и пренебрежительно развернулось и исчезло. Удивительнее его внешности было то, что пробрался на склад он тем же путем, что и Егор. Возможно, именно этот мохнатый охотник проложил сюда дорожку, либо проследил за человеком. Столкновение с ним немного развеселило расхитителя сокровищницы, однако, он поспешил вернуться в подвал. Ему нужно было о многом поведать своему напарнику.

Глава 13

Движение по нитям...

На историю, рассказанную взволнованным Егором, Дед

ответил уже знакомой фразой: «Я тебя предупреждал!» – и посетовал на то, что зря пустил мальчика на склад.

– Отчего же! – возразил Егор. – Это было просто судьбоносным решением! И в тот момент, когда я уже потерял последние нити...

– Ты потерял не нити, а последние мозги, если радуешься услышанному. Ибо то, что ты сообщил, должно уничтожить в нормальном человеке любые ростки надежды на позитивный исход поисков.

– Ну, раз уж этот спутанный клубок все равно нашелся, я начну его распутывать.

– В таком случае, на склад ты больше не пойдешь!

– Пойду! Как совладелец всего, что там находится... – вдруг ляпнул Егор.

– Ты окончательно рехнулся?! Или контузия до сих пор не прошла? – практически констатировал немощный поделник.

– Если это и так, то в обоих вариантах мне нужна твоя помощь...

– А я, как и раньше, советую забыть обо всем, иначе, наше будущее весьма плачевно.

– В самом деле? Да я уже живу в подвале, и каждый день рискую отдать концы, простудившись или... съев какую-нибудь гадость...

– То же самое можно сказать и о посетителях супермаркетов и местных ресторанов. Но, положи руку на сердце, мне

кажется, они даже в большей опасности, потому что мы едим ПОСЛЕ них!

Егор негромко выругался. Отошел от стола, за которым оба ужинали. Его и впрямь немного мутило после взрыва. Водрузился на трубы, прерывисто вздохнул и попытался успокоить себя, зная, что для полного исцеления нужен полный покой.

Он закрыл глаза, улегся горизонтально, вытянув руки вдоль туловища, и принялся равномерно вдыхать и выдыхать воздух. Легкие расширились, кислород обогатил мозг, мышцы стали мягкие, словно воск. В одну из них, пониже спины, впилась вчерашняя куриная кость, но он не поменял позу...

– Завтра я снова пойду туда. Никто меня не удержит!! Но, можешь не бояться... – поднял он руку вверх, заметив шевеление старика. – Мой интерес не гастрономический, а исключительно деловой. «Товар» останется в неприкосновенности. До следующего дня, согласно очерченному тобой графику. Но я обязан выяснить, кто и зачем принес на склад то фото... Кто ищет меня!! Они не в курсе наших новых знаний. А значит, у меня появился шанс. Это хорошая позиция на старте (та самая серая лошадка, на которую никто не ставит), и уверяю тебя, до финиша мы доберемся раньше них!

Видя, что переговоры результатов не принесут, поделщик не стал спорить дальше.

Утром их запасы сильно истощились, благодаря прихо-

ду спортивных молодых людей. Так как денег у постояльцев подвала не было, те взяли натурой. Осталась десятая часть продуктов, и в основе своей, нечто несущественное, а значит и мало аппетитное. Дед был вынужден дать добро на внеплановый поход.

– Однако, это не отменяет твоей прямой обязанности, – заявил он, – Сбора материалов, сырья – нам нужны «дешевые и длинные деньги»! – загадочно окончил нравоучение партнер.

– Из всей речи я понял лишь последнее слово – «деньги». Но ты же знаешь, как тяжело они даются в рыночных условиях, в нечистоплотной дворовой конкуренции. Да что там – мы! Если прочесть газеты, так в этом городе с деньгами проблемы буквально у каждого: чиновников, дворников, врачей и даже мэра!

– Нашел с кем равняться...

– Именно – равняться.

Егор немного помолчал, улыбаясь.

– Но свое-то уравнение «с неизвестным» я почти решил. – бойко сообщил он.

– Что это значит?

– У нашего X скоро появиться имя...

– Уравнение? А ты точно подсчитал? У тебя что по математике-то было?

Егор промолчал. В последнее время он взял за правило не реагировать на предостережения Деда. Ему, безусловно,

и самому все чаще становилось страшно, но положение, в котором мальчик находился, не оставляло пространства для фантазии и иных, безопасных перспектив.

– А что, если мы реализуем товар со складов на рынке? Пустим цену ниже оптовой, и вот он – навар! Дешевый, и ... определенно, длинный.

– Боже тебя упаси! Не смей даже думать о подобном. На сосновском рынке торгуют только те, кто имеет официальное разрешение, и не от местных властей, а от хозяина рынка. И сколько бы продавцов там не стояло, можешь не сомневаться, он знает всех в лицо.

– Тогда откроем «точку» в другом месте. Или вообще – не здесь... Гениальная мысль...

– Которая могла прийти едино в детскую голову! Если бы это было так просто, я бы уже давно сидел на кассе со счетами в руках. Но, уверен, наши утренние гости не оценили бы моих коммерческих талантов, и прикрыли бы «лавку» раньше, чем она начала приносить дивиденды. Да и владелец склада тоже знает свой товар, и если кто-то вдруг начнет реализацию через неподконтрольные «филиалы»...

– Ясно.– задумчиво отозвался Егор.

Слова «касса» и «счета» напомнили ему о найденной фотографии. А вдруг речь в договоре шла о складах – это ведь тоже недвижимость, которой можно владеть, и занимает она едва ли не самое центральное место в Сосновске.

– Слушай, ты же давно промышляешь там. Что тебе из-

вестно о владельце? – осторожно спросил он.

– Мутная личность...

– Но ты хотя бы видел его?

– Никогда!

– А как же...

– Если бы я встретил его на складах, мы бы с ним, разумеется, побеседовали... О вкусах, затем – о цене. Но это была бы последняя беседа в моей жизни... И очень высокая цена...

– Но ты мог видеть его издали, не вступая в диалог.

– Ты помнишь расписание, что я повесил на стене. Это для нас непреложное правило. Устав! В течении долгого времени я проводил замеры, наблюдал, сверялся, и в конечном итоге вывел, с точностью до минуты, расчеты – в какой день недели и в какой час можно появиться на складе не боясь наткнуться на недружественный отпор или физическое давление. Любые контакты с противной стороной запрещены! Запомни это хорошенько.

– Запомнил. – ехидно отозвался Егор.

Тревога товарища веселила мальчика. Дед прикладывал столько сил, чтобы запугать его, но вызвал лишь жгучее желание действовать, заявить о себе.

В девятом часу, накинув старое пальто, он вышел за новой партией товара, оставив подельника в напряженном ожидании.

«Да, нужно незамедлительно заявить о себе и своем праве, необходим ответный шаг с моей стороны! – рассуждал беглец. – Пускай враги не думают, что смогут запугать! А лучше всего – пусть сами начнут бояться!»

По дороге к складам он пытался прикинуть, каким образом это провернуть. Оставить послание – значит играть в открытую, идти напролом, что обычно выглядит глупо и незастойливо. А он не может предстать перед теми людьми наивным простачком. Он должен дать понять, что им придется иметь дело с равным себе. Но где взять интеллект взрослого, умудренного опытом борьбы, человека...

Дед не подходит, он давно смирился с положением мелкого жулика. Подросток вспомнил своего отца. И это тоже не вариант. Открытый характер родителя, доверчивость, жизнь в мире цифр и формул, в конечном итоге и погубила кандидата наук. (Тетка очень любила именовать его этим словосочетанием). Нет, Егор сам изобретет нужную тактику. Это будет скрытая война, партизанские вылазки, диверсии с предварительной артподготовкой, пристрелкой. Правда, на складе от планов сражения придется отказаться – слишком огромный объем товаров навывнос пометил ему Дед. Руки будут заняты. А в случае побега, «груз» и вовсе придется скинуть... на потом. Ради мести он выберет другой, особый день! Вне расписания... Когда хозяин хранилища окажется на месте!

Егор вздрогнул. Он стоял у вентиляционной трубы, и только сейчас понял, что шел через склады, забыв о мерах предосторожности. Он не сделал обычную остановку у опор под мостом, не выждал время, не проверил – не идет ли кто следом... Сердце колотилось, запал энергии рядом с кирпичной стеной словно высосало все в ту же вентиляцию.

Мальчик огляделся по сторонам, затем пробежал назад, в конец переулка, который привел его к лазу. Осторожно выглянул – пусто. Вернулся к трубе. Трясущимися, замерзшими руками вытащил едва державшийся в щели камень, посидел с минуту, стараясь успокоить дыхание и пульс, но становилось все страшнее. Тогда он протиснулся внутрь и, попав в огромное помещение внезапно осознал, насколько наивными выглядели мечты о мести. Взрослые люди, сумевшие подмять под себя такой бизнес, напугавшие до дрожи в голосе даже маргинальные слои города, вряд ли испугаются угроз подростка. И все же... Оставить фото без внимания нельзя!

На этот раз Егор быстро набил пакет продуктами. Ему не потребовалось сверяться с инструкцией, он отлично запомнил расположение и ассортимент товаров. После чего застыл за ящиками, напротив кассы. Она больше не волновала его. Беспокоило подростка совсем другое. Новое чувство, возникшее накануне, желание сопротивляться. И, если уж проиграть, – то хотя бы в борьбе.

Он что-то лихорадочно соображал. Дольше тянуть не было мочи – страх усиливался. Беглец двинулся из укрытия, но

какой-то шорох, едва заметный уху, заставил вернуться на исходную позицию. Егор всматривался в полутени за стеллажами. Ничего не происходило. Но вот шорох повторился. Кажется, он покрылся потом, к телу прилипло не только грязное белье, но и старое драповое пальто. Оно словно сжало мальчика – стало трудно дышать. Он почти задохнулся... когда на середину прохода выпрыгнул давешний кот. Животное тоже замерло, заметив Егора. Так они простояли пару мгновений, глядя друг на друга, потом кот шевельнулся, и в один прыжок исчез в тени следующего стеллажа. Егор тихо выругался, оставил кассу и поспешил к выходу. Внеплановая встреча отбила охоту мстить сегодня.

На скорости он едва не упал с лестницы, пришлось ухватиться за стену. Та оказалась недавно побеленной – пальцы окрасились в мел. Егор завязал пакет крепче, не хватало еще рассыпать добро, и ускорил шаг. Но возле одной из деревянных колон-балок, составлявших своеобразную анфиладу и поддерживавших тяжелую железную крышу, задержался. Поднял белый палец и начертил единственную букву «Д», что по его замыслу означало «договор». Так он и себя не раскроет, и даст хоть какой-то намек! Криво усмехнувшись, довольный собой, заговорщик выскочил наружу.

Глава 14

Кандидат № 2

К концу первой декады ноября Егор побывал на складе раз восемь. Но к своему огорчению (и тайной радости Деда), встретить хозяина ему так и не довелось. Возможно, после исчезновения фотографии тот занервничал, затаился. А впрочем, откуда ему было знать, куда именно она подевалась. На складах работала уйма народа. Там постоянно что-то переставляли, убирали, увозили. Вносили – выносили. Да и освещение не самое яркое. Букву «Д», похоже, вообще не заметили. Как минимум – не стерли, что с разочарованием отметил Егор, появившись на складе в очередной раз.

Тогда эта буква перекочевала на другую балку, ближе к центру. Затем, еще на две. Через неделю она украшала все колонны в продуктовом зале, но результатов подобная клинопись не приносила. Ее тоже мог оставить кто угодно, к тому же Егор понял, что большинство опорных балок, примыкавших к стеллажам, и так были отмечены буквами в алфавитном порядке, согласно наименованию товара. Первой его мыслью стало – нарушить этот стройный ряд, внести хаос в налаженный механизм. Но новая и куда более оригинальная идея заняла разум. Во всяком случае, надежда на нее очень грела душу.

Десятого ноября пошел снег. Добираясь на склады, Егор сильно продрог. Он опасался рецидива. Ведь простуда уже сбивала его с ног. В прямом смысле слова. В хранилище казалось не так морозно, как на улице. Ботинки промокли на-

сквозь и оставляли на пыльном полу вереницу следов. Теплой была вытяжка, но место на ней успели занять. Сиамский кот сидел на трубе поджав под себя лапы, и следил своими косыми глазами за передвижениями гостя.

Егор уже понял, что бояться его не стоит, и тревогу кот не поднимет, в отличие от жирных дворовых соплеменников. Однако, взгляд голубых глаз иногда раздражал. Кажется, животное было вездесущем и намеренно вело слежку за ним.

– Брысь! – сказал Егор коту. Получилось не естественно, не страшно, и очень хрипло.

Ему срочно требовалось чем-то согреться. Но чем? Почти весь товар лежал в холодильных камерах, однако... Коробки с «живым» пивом стояли внизу, и всегда находились в прямом доступе из-за частых заказов. До сих пор мальчик усердно обходил их стороной.

«Главное – не стать похожим на Деда»!

Ему казалось, что именно этот «продукт» – основа «волшебного» превращения. Но, в то же время, горячительные, лечебные свойства пива были широко известны в народе. Да что уж там, монахи какого-то монастыря сотни лет культивировали напиток... Егор помнил агитационную речь продавца.

Верхняя коробка была вскрыта – наверняка недавно снова проводилась рекламная дегустация, что получалось очень кстати. Он взял одну цилиндрическую баночку, потряс, –

внутри булькнуло. Затем, забрался с ней нам антресоли. Уселся на большого розового зайца с китайскими глазами, чей-то новогодний подарок (ну и желания у нынешних детей, – гигантомания и растовые куклы всему виной!), и откупорил крышку. Раздалось тихое шипение. По осипшему горлу полилась холодная терпкая жидкость.

Само собой, Егор употреблял пиво и до этого, в компании друзей, и даже за родительским столом. (Странно, что они разрешали пить пенный напиток при себе, как-будто он не был таким же губительным в их присутствии). Разве, – для контроля количества?.. Подростки часто шутили на эту тему. И странный смех, который вызывали глупые шутки, естественно, соответствовал не только количеству, но и качеству выпитого.

Вот и нынче, после испития, он ощутил сначала медленно растилающееся по конечностям тепло. Затем – веселье. Непонятное, неудержимое. Выпил на голодный желудок – пронеслось в голове. Мысли начали мелькать какими-то обрывками. Галопом... Одна за одной...

«А в школе сейчас каникулы! Надо бы отметить такое событие. Ведь у него теперь вечный выходной». Егор встал и спустился за закуской, но вместо этого, снова взял пиво. Две баночки...

Через пять минут он лежал на зайце, слушая заезженную мелодию (игрушка оказалась музыкальной), мечтательно заложив руки за голову и глядя в потолок. Точнее, в крышу,

в которой обнаружилось несколько дыр. Ему действительно было весело. Его ищут сразу в двух городах, а он спокойно сидит у них в тылу. В логове врага! «...Владеет, пользуется и распоряжается... их собственностью» – как там было написано в бумагах? Особенно – второе! Несмотря на количество выпитого, мозг продолжал исправно работать. Именно так сам Егор и полагал.

«Если одна буква ни о чем не говорит, – думал он, – ...то возможно, пришло время оставить слово, начертить – «Договор» – целиком?! И заметно и эффектно. Правда, балки для него слишком узкие. Не писать же с переносом, уйдет необходимый трагизм».

Мальчик посмотрел вниз. Единственным подходящим местом оставалась голая стена, не занятая полками, над той самой кассой, где была найдена фотография. Егора так и подмывало оставить памятную надпись.

Решение пришло совершенно неожиданно. Он вскочил на ноги и спустился в зал. Где-то на трубах зашипел кот. Егор не стал обращать на него внимание. Он подошел к тумбочке со счетной машинкой, тщательно покрутил пальцем о мел. Затем, на синей, масляной краске, в которую была выкрашена стена, размашисто написал: «Договор». Немного подумав, чтобы уже точно ни у кого не возникло сомнений, еще и расписался под этим словом. Оставил автограф.

С пятого класса он тщательно изучал все особенности отцовской «монограммы», ее закорючки, завитки, и к восьмо-

му овладел настолько, что не классный руководитель, ни сам отец, не смогли бы отличить оригинал от подделки. Да, он частенько расписывался в дневнике за родителей. А нынче этот опыт пригодился в нужном деле.

Уж подпись с того самого договора «совладелец» не сможет не узнать. Намек слишком явный. Но пора было «выкуривать зверя из норы». Пусть им будет так же страшно, как ему.

Мальчик так увлекся, что не услышал скрипа замка, и заметил движения когда дверь уже начала отворяться. Кот умолк, видны были лишь два желты светящихся круга. Егор едва успел залезть за ближайший тюк с гречкой. Через секунду в помещение склада вошли двое. Он сразу узнал эти силуэты – сам хозяин и давешний несговорчивый покупатель. Они шли по проходу прямо сюда. Не дойдя до тюков, остановились у кассы. Егор совсем съезжился. Сейчас они увидят «послание» и начнут искать его автора! И быстро найдут, ведь он сидит всего в пяти шагах от торговцев.

Мальчик осознал, насколько губительна и глупа была идея с метками, она могла прийти только в нетрезвый ум. Он слишком рано попал в сети, которые сам же и расставил! Он запутался в них...

«Но, о чем это они там говорят? Может, обсуждают прежний заказ?..»

– Ему давно пора прикрыть рот... – говорил хозяин складов.

– Слишком много врагов и ртов... Это как дыры в старой трубе, закроешь одну – прорвет в другом месте, заклеишь там – засвистит в третьем, и в конце концов, рванет везде...

– Но мы же не можем пустить все на самотек.

– Я уже связался с нужным человеком в столице. Он поможет нам решить эту проблему. Как я и говорил, к весне все будет закончено. Это дело весьма простое. Я бы даже сказал – детское. У него не хватит ума вести собственную игру...

Егор вздрогнул.

– Деньги оставляю авансом. Когда исполнишь заказ – заплачу остальное.

Что-то щелкнуло. Открыли кассу. Затем молчание. Неужели заметили надпись! Снова стук, и звук запираемого на ключ сейфа.

– Разве я когда-нибудь тебя подводил? В конечном итоге, в решении общей задачи есть и мой интерес, верно...

Скрип деревянного настила. Шаги удаляются... Они уходят.

Егор выглянул из-за тюфяка... и застыл. Напротив него стоял человек. Он был повернут к мальчику спиной, и смотрел на стену. Долгие секунды, казавшиеся часами, длилось его молчание. После, взяв со столешницы бумагу, человек тщательно стер надпись на синей стене. В горле у Егора образовался ком... воздуха, который не желал ни выходить на-

ружу, ни проходить дальше, вглубь. Прodelав процедуру, человек развернулся, и поспешил выйти следом за первым.

Больше всего в этой немой сцене Егора испугало и удивило то, что заметил и стер послание не хозяин склада, а его постоянный покупатель, требовавший «выполнить заказ» и говоривший с продавцом, как с лицом, явно себе подчиненным.

А еще, он заверял, что кончит «дело» к весне...

Глава 15

Ночь, улица, фонарь ... аптекарь

Егор бежал со всех ног по пустым, заснеженным улицам. «Детское дело», «не хватит ума» – в голове без остановки прокручивались слова из давешнего диалога.

Неужели речь шла о нем?! Что за специалиста вызовут из столицы? Кого-то из педагогов-психологов центра, в котором пребывал Егор до побега? И кто тот незнакомец, так уверенно, свысока говоривший с владельцем складов. Это ведь он заметил надпись на стене. Более того, не сказав о ней товарищу, стер послание. Конечно, весьма возможно, что испачканная стена произвела на него настолько неприятное впечатление, что он не сдержался. Судя по их первому разговору, это и впрямь брезгливый субъект. Эстет.... А может послание нашло своего адресата?

Но тогда в списке кандидатов на роль обладателя замыс-

ловатой росписи появляется номер 2. (Первым значился держатель кассы, под которой была найдена фотография). Выходит, в его уравнении уже несколько неизвестных – к X прибавлялся – У. А это усложняло поиски. И если первый был более-менее известной единицей, и место его пребывания не являлось тайной, то о втором он не знал еще ничего.

После продолжительного бега у Егора закружилась голова. Он точно перебрал с пивом. Живот перетянуло, началась отрыжка. Пробежав несколько улиц, мальчик заметил, что движется совершенно не туда, куда собирался. Фабрика отдалялась от него с каждым пройденным шагом. Егор пересек мост и оказался в старой части города. К ноябрьским праздниками тут успели основательно подготовиться. Лавки и магазинчики украсили во вкусе последнего осеннего месяца. Кое-где висели гирлянды и аппликации из красно-желтых кленовых листьев. Начинался сезон распродаж. Егор опять вспомнил о каникулах в школе. Первых в очереди, а потому самых ожидаемых и веселых. Ему вдруг ужасно захотелось вернуться назад, в свое прошлое. Это случалось и раньше, но сегодня как никогда четко пришло осознание утраченного счастья.

Он шел под снегом, через сугробы, загребая его ногами, лицо стало мокрым от слез. На часах, висевших на старинном здании главной площади, выскочили цифры. Половина десятого. Большинство общественных заведений уже закрылось. На город опускалась длинная ноябрьская ночь. Снег

сыпал крупными хлопьями, мороз крепчал.

В придверии праздников (и выборов, как пронизательно отмечал один злобный журналист-краевед), Администрация Сосновска широко, почти во всех местных газетах, разрекламировала подготовленные массовые мероприятия: ряд развлечений, аттракционов и перечень мест, где они пройдут. Мэр буквально генерировал идеи, брызгал фонтаном словословий, «замазав» большинство чистых до того, в политическом смысле изданий, своими бурными фантазиями. Однако, к началу праздников, которые по сложившейся традиции длились несколько дней, включая и старорежимные, и обновленные даты, в центральном парке действительно установили «Ледяной городок» со световыми инсталляциями. Пресс-служба Главы отмечала, что таким хитрым гамбитом городу удалось серьезно сэкономить – покрыть расходы и на предстоящий Новый Год.

И возведенные декорации и демонстративная рачительность в хозяйственных делах поражали. Не тратиться дважды! – таков был их девиз, жирным шрифтом отпечатанный под анонсом в угоду злопыхателям и клеветникам. Но, те и в официальном веселье нашли подвох. Ведь устроив подобный военный маневр, власти сумели на целых два месяца за столбить центр города за собой, выпроводив участников и устроителей следующей отмечаемой даты «красного календаря», а по совместительству конкурентов в предстоящих выборах, на задворки.

Егор читал о «Ледяном городке», тот занимал его воображение, и теперь, оказавшись вблизи от упомянутого места, мальчик решил посмотреть...

Не понятно, как предполагалось окупить «Ледяной городок», учитывая, что светить он должен был не неделю (как в январе), а два месяца. Ко всему прочему, фигуры, хоть и были созданы из силиконового стекла и алебастры, а не из льда и снега, совершенно ожидаемо «поплыли». Причем, в прямом смысле – стали исчезать из парка... И вот уже из четверых сохатых друзей Деда Мороза, осталось два с половиной. Третьему оленю кто-то тоже настойчиво пытался приделать «ноги», в конечном счете, напрочь их отломав. Так он и лежал на боку, вроде как «прилег на дорожку». А из трех «шаров» Снеговика в неизвестном направлении укатилось верхнее. Исчезло и ведро!..

Но тут подключились коммунальщики, опекавшие парк. Они смогли оперативно (их любимое выражение) исправить ситуацию. Сняли с ближайшего фонаря круглый плафон схожей формы и размера, который точно соответствовал утраченному «снежному шару», и установили заново, уже от себя добавив некоторые штрихи и детали. К примеру, нацарапав на нем «лицо». Фонарь был старый, подкопченный, оранжевого оттенка, и в сочетании с художествами дворников, снеговика из «ледяной статуи» превращал в какую-то хэллуинскую тыкву. Правда, новое ведро, одолженное творческим коллективом, отчасти исправляло неадекватный вид.

Когда Егор собирался возвращаться, на тихую безлюдную улицу вдруг прорвались звуки музыки и голоса. Впереди неожиданно ярко вспыхнули окна стеклянного кубического здания, и вывеска над ним. Название ресторана подросток не смог разобрать, буквы расплывались. Но атмосфера праздника и веселья, по которой только что так страдал беглец, поразила его и заставила остановиться.

Там что-то отмечали! Иллюминация светилась в каждом окне. Егора, конечно, не пустят внутрь, но вот на одну из лавочек под фонарем, стоящих в городском саду напротив ресторана, можно присесть и наслаждаться сказочным видением издали.

Мальчик смел снег со скамьи и примостился на ее краешек. Рядом, на сидение кто-то в шутку поставил свежелепленную снежную бабу. Что ж, не самая плохая компания для него на сегодня. Егор сидел и неотрывно следил за мелькавшими огнями. Они двоились, троились... Глаза постепенно слипались, мозг успокаивался, переходил в спящий режим...

Двери ресторана распахнулись, из них выскочили двое. Перебежав через дорогу, отделявшую ресторан от сада, они выбрались на боковую аллею. Один из посетителей остановился у скамьи закурить. На холоде он не сразу смог выжать надежное пламя из своей зажигалки. Вспышки огня отража-

лись в линзах тонких круглых очков его товарища, следящего за неудачными попытками, а заодно освещали молодое лицо самого курильщика, в ухе которого поблескивали два серебристых кольца.

– Жаль, что пришлось уйти до полуночи! Веселье в самом разгаре... -посетовал он.

– Тебя бы все равно «удалили». Как и остальных ... недо-
рослей.

– Но я рассчитывал воспользоваться твоими связями...

– А я не раздаю их в долг...

– Вообще-то, я хотел бесплатно... Впрочем, так или иначе, завтра рано вставать. В нашем Сообществе первая лекция.

– Разве ты пойдешь на нее?

– Конечно! По твоему, между прочем, совету! Родители должны знать, что я занят... нужным делом.

– Что ты в принципе, чем-то занят. – поправил его старший товарищ. – Ведь целый год после окончания школы у тебя прошел совершенно бесцельно и бесплодно...

– Это вы так считаете. Но чтобы иметь цель, ее надо придумать...

– И ты так долго... обмозговывал?

– Верно, просто работа мозга не всегда видна...

– Могу с тобой поспорить...

– Кстати, через неделю мой день рождения! Ты уже знаешь, что подарить!

Его товарищ наклонил голову.

– И что это будет?

– Я подарю тебе макет легких курильщика в разрезе, который ты видел у нас на кафедре. И который, я помню, произвел на тебя большое впечатление...

– Хе-хе! Тебе не отдадут!

– Когда узнают, для какого дела...

– Нет, я серьезно! – взмолился юнец.

– Я тоже! Говорю тебе Вадим, – заверну в цветную бумагу, завяжу сверху бантик – и они твои...

– А я выкину все, что ты принесешь, чтобы там не лежало, предупреждаю...

– Не выйдет! Родня, по традиции, заставит показать. Представь, посреди праздничного стола разворачивают, а там – твои легкие...

– Не мои!

– Я как врач уверяю!

– А ты пока не практикуешь... – съязвил тот, кого назвали Вадимом, отбросил сигарету, и тут же вынул из кармана горсть семечек. – И степени у тебя нет...

Здесь молодой человек осекся, заметив скрюченную фигуру, засыпанную снегом. Он подвинулся ближе, пытаясь рассмотреть такое чудо.

– Что это с ним?! – закашлялся дымом парень.

– Еще одна Ледяная фигура сбежала из парка! К январю там точно никого не останется... – заверил Очкарик, равно-

душно взирая на снежный силуэт.

– Опасно так сидеть. Можно и замерзнуть. По ночам теперь холодно! Посмотри, ты же врач!

– И как ты заметил, пока не практикую!

– Вряд ли он может ждать! – Вадим начал стряхивать снег с фигуры – та наклонилась назад.

– А вдруг это кто-то из посетителей? Как ты полагаешь? – парень кивнул в сторону ресторана, откуда по-прежнему доносилась музыка.

– Возможно... – заинтересовался вдруг Очкарик. – Выходит, у Ивана снова разливают фирменный коктейль. А этому спящему красавцу, на вид и пятнадцати нет... Если его здесь найдут, то штрафом не отделаешься! – он начал озираться по сторонам. – У всех будут проблемы...

– Что за коктейль?! – сплюнув шелуху, заинтересовался Вадим.

– О-о, он в свое время пользовался «дикой», не побоюсь этого слова, популярностью... Но, давай-ка все же поднимем парня, пока он окончательно не примерз к скамье.

– Куда его девать? В клуб?...

– Ни в коем случае...

Очкарик продолжал с волнением озираться.

– Сначала отведем на кафедру, там в это время никого нет. Посмотрим, что можно сделать. По всему видно, тут нужна профессиональная помощь. Не хочу, чтобы повторился прошлогодний случай. Вторая «жертва» нам не нужна...

И потом, до института отсюда не так далеко...

Парень с одобрением кивнул. Они подхватили спящего под руки и потащили из сквера.

Глава 16

Интересные знакомства